

C2(202.

A-36

Абузар Айдамиров

**Собрание
сочинений
в шести томах**

Абузар Айдамиров

**Собрание
сочинений
в шести томах**

Перевод с чеченского

Том 1

Долгие ночи

Роман

Грозный
2004

Редакционная коллегия: М. А. Айдамирова, Э. С. Минкаилов, Д. А. Сумбулатов, Н. М. Эльсункаев, Х. И. Юнусов, Р. Юсупов, У. Юсупов.

Автор и редколлегия
выражают сердечную благодарность
Хусейну Джабраилу
за помощь
в издании Собрания сочинений
Абузара Айдамирова.

Текст печатается по изданию: издательство «АГРАФ»,
Москва, 1996

Айдамиров А. Долгие ночи: Роман // Собр. соч. в 6 т. /
[Пер. с чеч. А. Айдамирова]. Грозный, 2004. – 592 с.

Исторический роман народного писателя Абузара Айдамирова посвящен теме мухаджирства и событиям Кавказской войны 1834 – 1859 годов.

По заказу
Центра гуманитарных исследований
Чеченской Республики
(Директор – Н. М. Эльсункаев)

Хьомсара Абузар!

Нохчийн къоман кхетамна а, иэсана а беркате тIеIаткъам бина Хьан исторически романах - «Еха буйсанаш», «Лаьмнашкахь ткъес», «Дарц», - хьакъ а долуш, дикачарах лоруш ю вайн литературехь. Ахь Хьайн произведенешкахь ма-дарра гайтина, мел яккхий халонах тIехIиттар гIиллакх-овздангаллах, собарх, доьналлах ца духуш, дахарх дог ца дуьлллуш, нохчийн халкъ даьхна хилар. Цундела Хьан дахар а, кхолларалла а сирла масал хилла лаьтта къоман, Нана-Нохчийчовнан бала мел болчунна.

Дахарехь а, кхоллараллахь а ирс-аьтто, кхиамаш хила лаарца цхьаьна, воккхаверца дакъалоцу ас Хьан исбаьхьаллин произведенеш зорбане яхарехь.

Дала аьтто бойла Хьан!

Лерамца,
Джабраилов Хьусайн

Дорогой Абузар!

Ваши исторические романы «Долгие ночи», «Молния в горах» и «Буря», оказавшие плодотворное влияние на национальное самосознание и историческую память чеченского народа, по праву считаются лучшими в нашей литературе. Вы в своих произведениях наглядно показали, что в самых тяжелых ситуациях чеченский народ не терял своих нравственных устоев, терпения, стойкости и безграничной веры в жизнь. Именно поэтому Ваша жизнь и творчество стали ярким примером для всех тех, кто думает и переживает о судьбе нашего народа, Матери-Чечни.

Искренне желая Вам счастья, удачи и успехов в жизни и творчестве, я с большой радостью принимаю участие в издании Ваших художественных произведений.

Да поможет Вам Всевышний!

**С уважением,
Хусейн Джабраилов**

Ожившие страницы истории

В истории каждой национальной литературы есть периоды, в которые те или иные жанры, в силу различных обстоятельств, выходят на первый план. В чеченской литературе 60-70-х годов прошлого века таким жанром стал исторический роман. Чеченцы, возвратившиеся на родину из тринадцатилетней ссылки, начинавшие новую жизнь, были крайне заинтересованы в знании своей истории, ее наиболее драматичных страниц. Поэтому естественно, что писатели старшего поколения обратились к историческому роману. Саид-Бей Арсанов в своем романе «Когда познается дружба» начал художественное исследование жизни чеченского народа конца XIX – начала XX века, но роман остался незаконченным. Халид Ошаев в своей трилогии «Пламенные годы» охватил события, имевшие место с 40-х годов XIX века до завершения Гражданской войны, на судьбах представителей четырех поколений рода Шапиевых показал процесс продвижения чеченского народа от противостояния России до совместной с другими народами борьбы за новую жизнь. Магомед Мамакаев в своих романах «Зелимхан» и «Мюрид революции» дал широкую панораму жизни чеченского народа первых двух десятилетий XX века, создал образы героев двух типов – героя-одиночки абрека Зелимхана и руководителя революционной борьбы чеченского народа Асланбека Шерипова. Все эти обозначенные произведения, несомненно, явились значительными художественными достижениями для литературы тех лет, но, написанные в рамках жестких идеологических доктрин того времени, не содержали и не могли содержать ответы на многие вопросы.

Для писателей старшего поколения, к которым относятся С. Арсанов, Х. Ошаев, М. Мамакаев, важно было показать, что чеченцы – это такой же народ, как и другие народы нашей страны, что он испытывал гнет царизма, что в революционной борьбе участвовали и отдали свои жизни за светлое будущее лучшие представители нашего народа. Конечно, в последнее время отношение к революции 1917 года, к ее значению, изменилось радикальным образом, но именно к этой мысли подводили, да и не могли не подводить все названные выше исторические романы, написанные в соответствии с требованиями метода социалистического реализма.

Абузар Айдамиров является представителем нового поколения чеченских писателей, того поколения, чье детство было омрачено ссылкой, которое росло вдали от родины, перед которым ежедневно вставал вопрос о своей вине, о вине своего народа – за что, почему он репрессирован? Это поколение выросло с обостренным восприятием всего того, что относится к Чечне, чеченскому народу, к его языку, которого они не изучали, истории, которую они не знали, культуры, которой их лишили. Именно это привело в литературу конца 50-х – начала 60-х годов прошлого столетия и Абузара Айдамирова, а также Шайхи Арсанукаева, Ямлихана Хасбулатова, Шиму Окуева, Хусейна Сатуева, Мусбека Кибиева и многих других.

Абузар Айдамиров родился в 1933 году в селе Мескеты Ножай-Юртовского района. Его детство закончилось в феврале 1944 года, в тот холодный зимний день, когда он вместе со всем народом отправился в далекий Казахстан, безвинный, но с клеймом изменника Родины, врага народа. На его еще слабые плечи легли тяжелые испытания, которые он мужественно, с упорством и постоянством преодолевал, работая, учась. Ему пришлось побыть учетчиком

полеводческой бригады, школьным библиотекарем. Возвращение помешало закончить Пишпекский сельскохозяйственный техникум, в котором он обучался, но не работа бухгалтера отвечала его духовным запросам. С 1 сентября 1957 года он начинает новую страницу своей биографии, став учителем в Мескентинской школе. В 1958 – 63 годах он заканчивает заочное отделение историко-филологического факультета ЧИГПИ, вскоре становится директором школы и многие годы совмещает тяжелый труд учителя и писателя. Он стал поистине народным учителем и народным писателем, даже если бы не получил эти звания официально.

Творческий путь Абузара Айдамирова начался в 1956 году, когда он отнес свои первые произведения в редакцию газеты «Знамя труда», которая начала издаваться в Алма-Ате с 1956 года. Именно вокруг этой газеты начали собираться чудом уцелевшие в годы репрессий писатели старшего поколения, которые прошли все муки ада сталинских лагерей – Х. Ошаев, М. Мамакаев, А. Мамакаев, С. Арсанов, а также представители нового поколения, к которому принадлежал и сам А. Айдамиров.

Его первые стихотворения и рассказы мало чем отличались от подобных произведений других авторов того времени и по содержанию, и по форме. В рассказе «Письмо» («Дружба», 1959. № 2, 3) молодой писатель создал образы двух молодых людей, Солты и Дадаш, счастью которых помешала сначала война, а затем ссылка. В стихотворениях тех лет преобладает тема родного края, в те годы характерная для поэзии всех репрессированных кавказских народов. В эти же годы он пишет целый ряд прекрасных лирических стихотворений, на слова некоторых из них позднее были созданы песни («Тебе», «Говорил, быть желая с тобою счастливым» и другие).

Плодотворными для писателя стали 60-е годы. Одна за другой выходят его книги «Сердце матери» (1961), «В родных горах» (1962), «Свет в горах» (1963), «Подвиги Генарсолты» (1965), «В нашем ауле» (1966), «Именем свободы» (1968). Его стихотворения, рассказы, повести становятся известны широкому кругу читателей. Но всенародное признание писателю принесли не эти произведения, а историческая проза.

Впервые к исторической теме Абузар Айдамиров обратился в повести «Именем свободы», которая вышла в свет в 1963 году в сборнике «Свет в горах». Именно в ней находится исток всех последующих исторических романов писателя.

Герой повести Али – участник кавказской войны, а также последнего массового выступления горцев за независимость под руководством Алибека в 1877–78 годах, возвращается в родной аул после двадцатипятилетней каторги. Вокруг Али собираются те здоровые силы общества, которые стали на путь борьбы, для которых он становится учителем и наставником, связующим звеном с центрами революционного движения на Кавказе. Али погибает во время боевых действий в период первой русской революции 1905–1907 годов. Таким образом, писатель попытался охватить наиболее важные события в жизни Чечни и России почти пятидесятилетнего периода, но дать их развернутую картину в одной небольшой повести было невозможно. Это проявилось и в значительно расширенном варианте этой повести – одноименном романе, изданном в 1968 году. Осознавая это, Абузар Айдамиров приступил к трилогии «Долгие ночи», над которой проработал более тридцати лет. В нее вошли романы «Долгие ночи» (1972), «Молния в горах» (1989) и «Буря» (1999).

Пожалуй, во всей истории чеченской литературы нет такого произведения, которое имело бы такой успех у читателей, как роман «Долгие ночи».

5000 экземпляров книги разошлись в считанные дни, о нем говорили, спорили. Десятки и сотни людей специально научились читать по-чеченски, чтобы только прочесть этот роман. И такой интерес к нему проявлялся вплоть до событий последних лет. В чем же была причина такого успеха?

Несомненно, одной из важных причин этого являлось то, что Абузар Айдамиров несколько раздвинул временные рамки своего романа, обратился к событиям, о которых до него не было написано. Кавказская война, изображенная в романе ретроспективно, через воспоминания ее участников, массовое переселение горцев в Турцию в 1865 году – эти темы в чеченской литературе до него оставались почти не тронутыми. Тема мухаджирства привлекала к себе внимание кавказских писателей и до А. Айдамирова, и после него – достаточно вспомнить такие произведения, как очерк «Горцы – переселенцы» Инала Канукова, романы «Из тьмы веков» Идриса Базоркина, «Последний из ушедших» Баграта Шинкубы, повесть Михаила Лохвицкого «Громовый гул» и другие. Абузар Айдамиров заполнил этот пробел в чеченской литературе своим романом, что и обусловило его успех.

Как мы уже отмечали выше, все три романа Абузара Айдамирова вытекают из повести «Именем свободы». Темы, пунктирно намеченные в ней, были развернуты писателем в широкую панораму в новых произведениях.

В романе «Долгие ночи» основные события разворачиваются в 60-е годы прошлого века. События, происходившие в то время на Кавказе, писатель рассматривает в контексте европейской и мировой истории, что обусловило появление в романе не только образов вымышленных героев, типичных представителей чеченского народа, но и десятков реальных людей, исторических деятелей, от Шамиля и его наибов до

русского царя и его генералов, вплоть до Маркса, руководившего зарождавшимся тогда коммунистическим движением. Но читателю запомнились и пришились по душе не эти герои, а Телхиг, Юсуп-хаджи, Бийсангур и им подобные, так как о них многие ничего не знали. В истории чеченского народа не хватало личностей, фигурировало лишь несколько фольклорных героев – Адиев Сурхо, Таймиев Бейбулат и некоторые другие. На страницах романа «Долгие ночи» ожили новые герои, о которых в свое время знали во всей Европе, военачальники и мыслители. Писатель вложил в их руки оружие, а в уста – речь, вернул их народу, тем самым обессмертив в памяти народной. Приученный советской пропагандой и массовой культурой к мысли о том, что «в каком году б с тобой мы ни родились, родились мы в семнадцатом году», читатель осознал, что наша история начинается не с этого времени, а уходит своими корнями значительно глубже, знаменательна своими яркими страницами и выдающимися личностями. В этом было значение романа, воспринятого, скорее всего, как исторический документ, а не только художественное произведение.

Появление романа «Долгие ночи» в печати в те годы, которые позднее были обозначены как годы застоя, стало возможным из-за того, что идеологи местного масштаба не совсем поняли смысл этого романа. Спустя некоторое время, в конце 70-х – начале 80-х годов, когда некоторые ученые, выполняя партийный заказ, начали пересматривать историю, роман подвергся многочисленным нападкам, был фактически запрещен. Так, например, в 1983 году, когда отмечался пятидесятилетний юбилей писателя, на торжественном вечере нельзя было произносить даже название романа – об этом была снущена соответствующая директива и за ее соблюдением зорко следили «компетентные» органы. Но это только

подогревало и до того существовавший интерес к нему со стороны читателей. «Реабилитация» романа «Долгие ночи» произошла только в годы перестройки, в 1990 году, когда Абузар Айдамиров был уже депутатом Верховного Совета СССР, и она проявилась в его переиздании на чеченском языке, а позднее, в 1992 году, был, наконец-то, переведен и на русский язык.

Драматично сложилась и судьба второй книги трилогии – романа «Молния в горах». Автор завершил работу над ним к столетию восстания под руководством Алибека Алдаева, но издать его смог только в 1989 году. Еще до появления в свет по заказу партийного руководства этот роман многократно рецензировался, был сделан его подстрочный перевод, чтобы его могли прочитать партийные боссы республики. В 1993 году, к пятидесятилетию писателя, он уже был подготовлен к печати, но в последний момент набор был рассыпан и вместо него выпустили книгу «Сердце матери», в которую вошли более безобидные произведения – стихи, а также рассказы и повести о современности.

Роман «Молния в горах» тематически связан с «Долгими ночами», в нем встречаются герои, которые уже встречались в первой части трилогии, в том числе и Алибек. Основное внимание писателя в новом романе привлекают события 1877–1878 годов, когда, воспользовавшись тем, что основные силы России были отвлечены на войну с Турцией, горцы подняли восстание, которое было через некоторое время жестоко подавлено – сам Алибек и четверо его ближайших сподвижников были повешены, а многие десятки других участников отправлены в тюрьмы и на каторгу.

Восстание 1877–1878 годов было последним массовым выступлением горцев. На рубеже веков на Кавказе широкое распространение получило абрече-

ство. Как отмечал в своем предисловии к переводам чеченских песен Асланбек Шерипов, «власти терроризировали население, а абреки терроризировали эту власть». Наиболее ярким представителем абречества является Зелимхан Гашмазукаев, державший в страхе администрацию области более десяти лет, вплоть до своей гибели в 1913 году.

Сложные политические и социально-экономические проблемы конца XIX – начала XX века, события первой русской революции, а также последовавшей после ее поражения реакции нашли отражение в романе «Буря», вышедшем в свет в 1999 году. Эта книга по-настоящему до сих пор не дошла до читателя. Изданная мизерным тиражом фондом Зелимхана Гашмазукаева непосредственно перед началом военных действий, она уже стала библиографической редкостью.

Надо отметить и ряд других книг Абузара Айдамирова, вышедших в 70 – 90-е годы, – «По горным дорогам» (1975), «Вершины» (1986) и «Один день судьбы» (1993).

В первую из них вошли эпические произведения малых жанров – «В день смерти сына», «Рассказ разведенной женщины», «Хорошие» люди», «Соперник», а также историческая хроника о Шамиле. В рассказах писателя в центре внимания были нравственно-этические вопросы, проблемы духовности. Абузар Айдамиров начал освещать в них ставшую одной из ведущих в его творчестве в последние годы проблему национального характера. Писатель с болью говорит об этой проблеме, он не только констатирует факты, но и вскрывает причины, предлагает пути выхода из кризисной ситуации, в которой оказалось наше общество именно из-за духовного кризиса. Все эти размышления писателя легли в основу вышедшего в этом году нравственно-философского трактата «Наши нравы».

Роман «Вершины», посвященный изображению жизни чеченского села, многими был воспринят как попытка примирения с властью. Образ исключительно положительного героя Тумсоева, первого секретаря райкома партии, естественно, не вписывался в ряд полюбившихся читателю героев других произведений писателя.

В книгу «Один день судьбы» вошли одноименная повесть, а также повести «Сыновья свободы» и «Калужский пленник». Первая из указанных повестей была написана А. Айдамировым еще в начале 60-х годов, но тогда издать ее не удалось, так как она была написана на тему, многие годы остававшуюся запретной – в ней изображен один день из жизни чеченского народа, день годовщины выселения. Своеобразная композиция, напоминающая киносценарий, позволяет писателю показать множество эпизодов, десятки образов, достигнуть тем самым самого широкого изображения жизни народа, поставленного властью вне закона. Повесть полна трагического пафоса, но в то же время наполнена оптимизмом, верой в человека, который даже в нечеловеческих условиях все-таки остается Человеком. Писатель посвятил эту повесть своему отцу, она, несомненно, носит автобиографический характер.

В повести «Калужский пленник» А. Айдамиров вновь обращается к исторической теме. В ней писатель изобразил последние годы жизни имама Шамиля. В отличие от других своих исторических произведений, в которых на первом плане стоят события, в ней писатель отразил внутренний мир своего героя, создал глубоко психологический образ.

В последние годы А. Айдамиров опубликовал в периодической печати большое количество публицистических произведений, в которых осмысливаются происходящие в настоящее время в Чечне события,

предлагаются пути выхода из затяжного кризиса, в котором оказался наш народ. Глубоко переживает писатель трагедию, связанную с военными конфликтами, унесшими многие человеческие жизни, о чем написано в статье «Корни чеченской трагедии», вышедшей отдельным изданием в 2002 году.

О своей жизни, творческом пути он написал книгу воспоминаний «Мой жизненный путь», отдельные фрагменты которой вышли на страницах журнала «Орга» (2003. № 7).

Многие годы А. Айдамиров работает над составлением хроники истории нашего народа. В 1991 году вышла в свет его «Хронология истории Чечено-Ингушетии», в которой отмечены наиболее значительные события, начиная с древнейших времен и заканчивая 1917 годом. Над этой хронологией работа еще не завершена, автор значительно расширяет и углубляет свое исследование, включая в него и события последнего столетия. Это огромный труд ученого-историка, ценный вклад в развитие исторической науки.

Произведения Абузара Айдамирова больше переводились на арабский язык, чем на русский – в Иордании изданы его книги «По горным дорогам» (1985), «Завещание брата» (1988) и «Долгие ночи» (1988). На русском языке до сих пор издан лишь один роман – «Долгие ночи». Данная публикация на русском языке всей трилогии является, несомненно, хотя и запоздалым, признанием таланта писателя.

*Эльбрус Минкаилов,
главный редактор литературно-художественного журнала «Орга»,
доцент кафедры
чеченской литературы и фольклора
Чеченского госуниверситета*

Часть первая

ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

195 290 17081

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ
ДОЛЖНА БЫТЬ ВМЕСТЕ С ТЕМИ
ЛЮБОВЬЮ К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ.

В. Г. Белинский

ГЛАВА I

ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

(Вместо пролога)

Наше управление на Кавказе не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями... И для того, чтобы после Шамиля не явился на сцену новый деятель или он не имел никакого успеха, нужно одно: чтобы вследствие гуманного и справедливого управления горные племена не нуждались более в подобных деятелях.

Н. А. Добролюбов

Беспокойство охватило генерал-лейтенанта Лорис-Меликова уже с утра. Смуглое, со смоляными усами лицо его хмурится. Он то садится за массивный стол и торопливым скрипом пера нарушает тишину кабинета, то подходит к раскрытому окну и подолгу глядит на бесконечные цепи гор, окутанные прозрачной синей дымкой, то вновь мерит шагами кабинет, неслышно ступая по мягкому персидскому ковру. Чем больше думает он о «кавказском вопросе», тем сильнее одолевают его тревожные мысли. Ведь если следовать мнению большинства русских политиков, то война на Кавказе закончилась, и нет причин для новых тревог и волнений. Однако на деле все складывалось совсем не так, как виделось в далеком Петербурге. Мир и спокойствие края – еще только желаемый, а не свершившийся факт. На сей счет он, Лорис-Меликов, не заблуждался, нет... И поэтому его бесят верхоглядство и беспринципность людей, находящихся на государственной службе, упорно не желающих замечать действительного положения вещей, их тупость, доходящая до идиотизма.

– Нет, действительно, это самый настоящий идиотизм, – цедит сквозь зубы Михаил Таризлович, все сильнее раздра-

жаясь. И не разобрать, на кого он больше злится: на горцев, что никак не хотят покориться, или на тех, кто навязывает ему свою волю. Скорее всего на свою беспомощность, бессилие что-либо изменить и предотвратить надвигающуюся грозу. Опасения его не беспочвенны – тишина в крае обманчива.

И года нет, как он управляет Терской областью. После покорения Чечни он здесь уже третий. Всего лишь за четыре года. А что сделали его предшественники? Ничего! Да и не могли. Теперь надежда на него, Лорис-Меликова. Государь надеется на его опыт, дальновидность, верит, что он наведет порядок в Чечне, и вот уже почти год ломает он голову, но тоже никаких сдвигов. Что, если и ему придется уйти ни с чем, как и его предшественникам: графу Евдокимову и князю Святополк-Мирскому?

Михаил Таризлович мерно шагает по кабинету. Руки за спиной, пальцы крепко сцеплены. Он словно слышит голос Великого князя, его напутственные слова:

– В самое пекло направляем мы вас, Михаил Таризлович, – тоном задушевной беседы говорил Михаил Николаевич. Но в этом ровном мягком голосе чувствовался характер человека, привыкшего повелевать. – Да, в пекло. Каковым и является Чечня. Племя это долее прочих сохранило возможность к сильному сопротивлению. И всегда оказывало его самым упорным образом. Первые экспедиции и наши столкновения с этим народом, в которых мы потратили столько средств, времени и доблести русского солдата, в сущности, мало возымели влияния на вопрос окончательного покорения его нашей власти. Мы на деле испытали всю бесплодность борьбы с чеченцами, которые пользовались закрытой местностью Сунженской долины и предгорий, чтобы наносить нам потери, избегая в то же время решительного боя. Поэтому мы по необходимости прибегли к уже испытанной веками системе заселения окраин государства казаками.

– Ваше высочество, позвольте добавить, – вежливо перебил наместника начальник Главного штаба Карцов. – Земли, отнятые нами у чеченцев, не имеют важности ни в политическом, ни в военном отношении. Чеченцы сохранили за собой то положение, в котором они еще не скоро подчинятся нашей власти.

— Согласен с вами, Александр Петрович. Оставляя чеченцев в такой ситуации, не следует верить в скорое спокойствие на Кавказе. Четыре года назад мы стали считать край побежденным. И до сей поры пребываем в этом заблуждении. А за это время чеченцы дважды восставали, и восстания не успели распространиться на равнину только потому, что тогда в области были сосредоточены сорок шесть батальонов пехоты, три донских полка и один драгунский. Но мы не можем удалить оттуда хотя бы треть воинских частей, поскольку Чечня все эти годы таит в себе грозную опасность. Словом, сегодня следует смотреть на чеченцев и правительство, как на две стороны, стоящие друг против друга, из коих победившая не пользуется плодами своей победы, а побежденная, сохранив оружие и силы, выжидает удобного случая для возобновления борьбы. Повторяю, дорогой Михаил Таризлович, Его Величество поручает вам самый трудный, самый ответственный и болезненный участок империи. От ваших мудрых действий зависят мир и спокойствие на Кавказе. Пока у нас мирные отношения с западными державами. Но Бог знает, сколько времени они продлятся. В случае внешней войны, нам придется перебрасывать половину войск на другой театр действий. И нет уверенности, что Чечня не взбунтуется. Поэтому прошу вас, Михаил Таризлович, в ближайшее время навести там порядок: Александр Петрович вручит вам копию инструкций по чеченскому вопросу, недавно представленную Его Величеству. По прибытии на место ознакомьтесь с ними и действуйте по своему усмотрению. Да поможет вам Бог.

«Бог здесь не поможет,— думает Михаил Таризлович.— Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Нужны сила и хитрость. Кнут и пряник».

Да, правительство до сих пор не может вести себя в Чечне как победитель. Это больше чем кому-либо ясно Михаилу Таризловичу. Дело в том, что чеченцы прекратили сопротивление и якобы покорились на определенных условиях. От имени правительства фельдмаршал Барятинский заключил с ними своеобразный мир. Наместник принял обязательство оставить им оружие, не брать в солдаты, сохранить за ними все земли, обычаи, традиции народа, не притеснять веру.

После пленения Шамиля правительство решило, что покорение Кавказа завершилось, и приступило к созданию военно-колониального режима в Чечне. При этом оно совершенно забыло об обязательствах, принятых Барятинским. Горцам не только не вернули земли, ранее отнятые у них и отведенные под казачьи станицы и военные укрепления, но и вытеснили с оставшихся земель, загнав их в леса и бесплодные горы. Отнятыми же у горцев землями наградили князей соседних племен, чеченских офицеров, духовенство и торговцев, помогавших усмирению края. Разоренный долголетней истребительной войной, а теперь и оставшийся без земли народ дошел до нищеты. Он не имел возможности ни вернуться к своей довоенной хозяйственной жизни, ни перестроить ее сообразно новым порядкам.

Доведенные до отчаяния люди восстали. Восстание началось в мае 1860 года в Ичкерии и быстро распространилось по всей нагорной части Чечни. Возглавили его шамилевские наибы¹ Бойсангур, Атаби и Умма. Им удалось нанести чувствительные удары по карательным отрядам. Отчаянное сопротивление восставших длилось девятнадцать месяцев. Однако многочисленные войска, направленные российскими властями, подавили его со всей жестокостью. В феврале 1861 года был схвачен раненый Бойсангур, после чего к Святополк-Мирскому добровольно явились Атаби и Умма. Бойсангура казнили в Хасав-Юрте, его семью и ближайших соратников сослали в Сибирь. К двум другим руководителям восстания отнеслись несколько снисходительнее, отправив на вольную ссылку: Атаби – в Порхов Псковской губернии, а Умму – в Смоленск.

И наступила тишина. Но тишина предгрозовая и недолгая.

Многолетняя война и деспотическая власть Шамиля и его наивов довели горцев до нищеты, почти до физического истребления. Народ устал. А Шамиль, его наибы и духовенство постоянно призывали к газавату², обещая людям счастье в ином мире. Народ же мечтал о мире и спокойствии.

¹ Наиб – военачальник.

² Газават – священная война.

Именно в этот момент снова появился проповедник Кунта-Хаджи, изгнанный в свое время Шамилем. И вновь начал он распространять в Чечне ученье кадыри.

Кунта-Хаджи выступал против всякой войны и насилия, против кровной мести, призывал к нравственному совершенству, единству, братству, к полной покорности властям и терпению, запрещал курение и употребление хмельных напитков. Он утверждал, что мир и равенство на земле нельзя установить путем войн и кровопролитий, их может дать лишь всемогущий Аллах, а потому и следует положиться во всем на Всевышнего.

— Не слушайте самозванных шейхов и имамов, призывающих вас к войне,— говорил он,— не проливайте людской крови. Не поднимайте оружие против русского царя: он действует по воле Аллаха. Если вам велят носить крест — носите его. Ведь это лишь металл. Если вам прикажут посещать церковь — идите. Это же просто дом. Лишь бы в сердцах вы сохранили веру в Аллаха и пророка, а все остальное вам простится. За оружие беритесь только в крайнем случае, когда гяуры¹ требуют для развлечений ваших женщин.

Учение Кунты-Хаджи шло вразрез идеологии «священной войны», которой придерживались сторонники Шамиля. Они проповедовали войну с иноверцами, а Кунта-Хаджи — классовый, национальный и религиозный мир, покорность властям. Окружение Шамиля стремилось к богатству и роскоши, а Кунта-Хаджи, выходец из народных низов, сам бедняк, призывал жить скромно, честным трудом. И измученные, изнуренные войной, доведенные до грани физического истребления, потерявшие надежду на возврат прежней жизни люди охотно примыкали к народному шейху, что могло стать серьезной угрозой идеологической основе имамата Шамиля. Имам стал всячески притеснять Кунту-Хаджи и, наконец, в 1859 году тот вынужден был отправиться в Мекку.

Первое время администрация края не мешала деятельности Кунты-Хаджи, поскольку он проповедовал мир, покорность царю и властям. Однако вскоре часть последователей Кунты-

¹ Гяур — человек немусульманского вероисповедания.

Хаджи объединилась в крупную религиозную секту. Они использовали учение устаза¹ в своих корыстных целях. Среди них были и прославленные воины и военачальники Шамиля, в свое время выступившие против жестокости колониальной политики царизма; без вехома Кунты-Хаджи они стали создавать из секты слаженную военную организацию, тщательно готовя ее к будущему восстанию. Разделив Чечню на восемь районов и поставив во главе каждого по наибу, они практически установили свое, не зависимое от царской администрации, управление в аулах. Изготавливались оружие и порох, под видом спортивных игр проводилось обучение молодежи военному делу. Волнения среди мюридов² кунта-хаджийцев делали обстановку еще более напряженной. Верные царю муллы доносили о готовящемся восстании. Из Тифлиса Лорис-Меликову несколько раз напоминали о том, что начальство сочло бы за лучшее убрать Кунту-Хаджи с Кавказа. Но Лорис-Меликов не соглашался. Арест устаза, по его мнению, кроме неприятностей ничего не давал: во-первых, сам Кунта-Хаджи и его проповеди, в сущности, безвредны; во-вторых, уберешь его – и освободившееся место может занять другой, более деятельный и мятежный человек, что куда опаснее.

Верил ли Лорис-Меликов внешнему спокойствию, царившему в крае последние два года? Нет, не верил. Ведь из донесений лазутчиков ему было известно о брожении умов в Чечне. И получив сообщение о том, что во время своей последней поездки в Мекку Кунта-Хаджи якобы встретился с чеченскими, черкесскими, кабардинскими и осетинскими эмигрантами и вступил с ними в тайный союз, он отдал приказ арестовать Кунту-Хаджи. Возмущенные мюриды немедленно отправились к Шалинскому редуту и потребовали освобождения устаза.

Опасаясь, что эта мирная манифестация может вылиться в восстание, в Шали спешно отправили генерал-майора князя Туманова с шестью батальонами пехоты при четырех ору-

¹ У с т а з – религиозный, духовный наставник.

² М ю р и д – послушник, последователь шейха.

дях и с четырьмя сотнями казаков. Орудийные залпы рассеяли толпу, оставив на земле сто шестьдесят четыре убитых, среди которых оказались и шесть женщин.

Этими мерами Михаил Таризлович не ограничился. Спустия неделю в крепость Грозную собрали наибои и наиболее уважаемых людей Чечни. От них потребовали немедленно выдать зачинщиков шалинского дела и всех тех, кто ранее был намечен для отправления в ссылку, а также запретить зикр¹. За проступок одного человека отвечал целый аул. На исполнение требования отводился недельный срок. В противном случае Лорис-Меликов грозился уничтожить все аулы. По его приказу войсковые подразделения были приведены в полную боевую готовность.

По личному указанию Лорис-Меликова наиболее авторитетные муллы и кадии² подготовили проповеди, содержание которых было согласовано заранее, и в сопровождении особых приказов разослали их по аулам и мечетям. Для поддержания порядка пришлось перебросить в Чечню новые воинские части с Кубани.

Чечня созрела для взрыва. Горцы прекрасно знали о взаимоотношениях России с западными державами и о событиях в Польше. Сотни чеченских офицеров и переводчиков, ежедневно общаясь со ссыльными поляками, служившими в области, жадно ловили рассказы последних и несли их в народ. Чтобы обуздать и удалить непокорных из края, Михаил Таризлович предложил Тифлису набрать из чеченцев полк и отправить его на подавление польского восстания. Но из этой затеи ничего не вышло.

* * *

«Переселить бы их всех в Турцию,— подумал Михаил Таризлович.— Счастливчик же граф Евдокимов. Сумел вырваться из этого осиногo гнезда и осесть в Кубанской области. Да еще отделаться от всех этих шапсугов, бжедухов, убыхов и прочих дикарей, выпроводив их в Турцию. Хитрая бестия, что и говорить!»

¹ З и к р — радение мусульманских сектантов.

² К а д и й — духовный судья у мусульман.

Переселение горцев в Турцию поощрялось еще при Ермолове. Таким образом царское правительство стремилось сократить численность горского населения, одновременно заселяя освободившиеся земли казаками.

На переселение ушло года два. Михаил Таризлович вспомнил совещание в Тифлисе, на котором присутствовали Великий князь Михаил Николаевич, князь Барятинский, князь Орбелиани и граф Евдокимов. Вопрос тогда стоял так: либо горцы переселятся на бесплодную и болотистую равнину, либо в Турцию.

– От этого зависит дело окончательного покорения восточного побережья Черного моря. Я думаю, горцы отдадут предпочтение Турции, – высказал свое мнение Михаил Николаевич.

– Надо переселить их туда, – добавил фельдмаршал Барятинский. – Не теряя времени и сколько возможно. Очистив край от них, мы утвердим свое положение навсегда.

– Я поддерживаю мнение Его Сиятельства, – сказал граф Евдокимов. – Переселение горцев в Турцию, несомненно, – важная государственная мера, способная закончить войну в кратчайший срок и без большого напряжения с нашей стороны. Эта мера даст нам возможность свободно развивать колонизацию в предгорьях.

– А согласится ли турецкое правительство принять их в пределы своей империи? – засмеялся Великий князь.

– Я думаю, их примут с большой радостью.

Все было ясно и просто. Так просто, словно горцев отправляли на свадьбу. В Константинополь, на переговоры с турецким правительством о приеме переселенцев в Оттоманскую империю, решили послать его, Михаила Таризловича.

В 1860 году вместе с русским поверенным в Константинополе А. Б. Лобановым-Ростовским ему удалось добиться согласия турецкого правительства принять триста тысяч татарских и ногайских переселенцев из Крыма и три тысячи кавказских горцев.

Для начала это был большой успех. Крым сразу покинули двести тысяч жителей. Вслед за ними потянулись ногайцы. Но с горцами возникли осложнения – их пришлось принуждать к переселению. Турки хотели расселить их вдоль рус-

ско-турецкой границы, как настойчиво советовали им хитрые англичане, но русское кавказское начальство было категорически против. Особенно Евдокимов.

— Если турецкое правительство расселит их вдоль нашей южной границы, то там появится тот же неприятель, с которым мы никак не можем окончить войну на Северном Кавказе! — возмущался он.

10 мая 1862 года состоялось высочайшее утверждение постановления Кавказского комитета о переселении горцев.

И началась величайшая трагедия в истории кавказских горцев.

После усмирения Чечни и Дагестана, видя бесполезность сопротивления, заявили о своей покорности и закубанские горцы. Но правительству этого было мало. Горцы оказались перед выбором: или переселиться к Кубани, безусловно, подчиняясь колониальному управлению, или переехать в Турцию. Но оставить свои плодородные земли ради бесплодных равнин Причерноморья и болотистых низменностей Большой Лабы было для горцев равносильно смерти. Племена, отказавшиеся принять ультиматум, вытеснялись войсками шаг за шагом с равнины — в предгорья, из предгорий — в горы, с гор — на берег моря. И полмиллиона западных горцев, перенесших все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод, повальные болезни, очутившись на берегу, вынуждены были искать спасения в Турции.

Горцы уходили с обжитых мест, покидали свои жилища, оставляли скот и запасы хлеба, а иногда и необработанные нивы. Не многим удавалось продать за бесценок свое имущество. Почему за бесценок? А как же может быть иначе, если несколько сотен тысяч людей продают его одновременно! Цены упали. Особенно на оружие и скот, которые турецкое правительство запретило горцам брать с собой в чужие земли.

Очевидцы рассказали Михаилу Таризеловичу об ужасном положении переселенцев, месяцами ожидавших на берегу судов для перевозки в Турцию. Наступление холодов, почти полное отсутствие средств к существованию и вспыхнувшие эпидемии тифа и оспы сделали положение горцев невыносимым. Прямо на берегу моря лежали растерзанные одичавшими собаками трупы детей, женщин и стариков. Измученные

голодом и болезнями переселенцы, едва передвигавшие ноги, заживо становились легкой добычей таких же голодных псов. Турецкие шкиперы обращались с горцами, нанимавшими их посудины, чтобы добраться до берегов Малой Азии, как с грузом: при малейшем признаке болезни людей без всякой жалости бросали за борт. Волны выносили трупы несчастных к берегам Анатолии.

Царская казна выделила горцам около трехсот тысяч рублей. Большая часть денег была истрачена на оплату проезда переселенцев, а часть осела в карманах вороватых чиновников, и только крохи достались самим репатриантам.

Ходили слухи, что у многих барок, перевозивших горцев, были заранее пробуравлены днища. Выходя в море, барки тонули, а оставшиеся беспризорными деньги также попадали в карманы чиновничества.

Многие переселенцы погибали в волнах Понта Эвксинского, рассказывали очевидцы Михаилу Таризловичу. Грустная участь... Но она все-таки менее достойна сожаления, чем участь достигших турецкого берега. Гордые орлы кавказских гор от голода и неустроенности тысячами гибнут на улицах турецких городов.

Но самым трагическим и безнравственным было то, что кое-кто старался извлечь иезуитскую выгоду из горя людей. Царское правительство из военно-стратегических соображений стремилось очистить край от свободолюбивых, воинственных, непокорных горцев для его более широкой колонизации. Порга же хотела привлечь горцев в Турцию, чтобы впоследствии использовать их при подавлении национально-освободительного движения внутри самой Оттоманской империи, а также в случае военных действий против России. В этом турок поддерживали европейские державы, ибо горцы в глазах Европы были лишь средством для противодействия России, и при использовании этого средства ни Европа, ни Турция не проявляли даже намека на жалость.

Содействовали переселению горцев даже местные феодалы и духовенство. Напуганные крестьянской реформой в России, они заспешили в Турцию, увлекая за собой подданных им крестьян, видя в деспотическом строе Турции идеал того по-

литического и религиозного устройства, при котором и они могли сохранить собственные феодальные права и привилегии.

Действительно, в то время как переселенцы массами гибли по пути в Турцию и в самой Турции, феодалы и духовенство сумели устроиться неплохо. Многие из них впоследствии получили высокие государственные, военные и религиозные должности и стали жить даже лучше, чем на покинутой родине.

Да, уж кто-кто, а Михаил Таризлович хорошо осведомлен о судьбе горских переселенцев. И он искренне, чисто человечески жалел их. Однако интересы империй были для него превыше всего, даже человеческих чувств. И ради империи он готов был отправить на чужбину вслед за чеченцами и остальных горцев.

Но сомнения не покидали его. Сколько, например, труда вложил он в переселение закубанских горцев, а награды достались другим. Это было тем более неприятно, что счастливым оказался Евдокимов. Выскочка. Тупой солдафон...

А здесь левый фланг, где никогда не было мира. И не будет. До тех пор, пока всю Чечню не поставят на колени. Так пророчески предсказал еще А. П. Ермолов почти полвека тому назад.

«Эти чеченцы – сильнейший и опаснейший народ, – писал он. – Сверх того, ему вспомоществуют и соседние народы. И не потому, что они любят чеченцев и ненавидят нас, а из боязни, что чеченцы, попав под власть русских, повлекут и их за собой под тяжелую русскую ладонь. Что там Кабарда? Конечно, кабардинцы под своими несносными шалостями вызывают на бой, но я их должен пока терпеть, ибо заняты гораздо опаснейшими злодеяниями – чеченцами. При укусе змеи жало комаров не так уж и чувствительно. Спокойствие и безопасность в крае могут быть тогда, когда будут заняты земли по правому берегу нижнего течения Терека. Это они, чеченцы, возмущают весь Кавказ. Проклятое племя! Общество у них не так многолюдно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимает к себе дружелюбных злодеев всех прочих народов, оставляющих землю свою после совершения каких-либо преступлений. И не только. Даже наши солдаты бегут именно в Чечню. Их привлекает туда совершенное равноправие и равенство чечен-

цев, не признающих в своей среде никакой власти. Эти разбойники принимают наших солдат с распростертыми объятиями! Так что Чечню можно назвать гнездом всех разбойников и притоном наших беглых солдат. Я этим мошенникам предъявлял ультиматум: выдать беглых солдат или мщение будет ужасным. Нет, не выдали ни одного солдата! Приходилось истреблять их аулы. Сего народа, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее. У них даже чумы не бывает! Я не успокоюсь до тех пор, пока своими глазами не увижу скелет последнего чеченца».

Также рассуждал и преемник Ермолова фельдмаршал Паскевич, направленный на Кавказ Николаем I с предписанием «усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных».

«Нет сомнения, что мелкие владельцы скорее могут быть покорены обещанными им выгодами, — жаловался он императору — Но покорение вольных племен, ни от какой власти не зависящих, представляется большой трудностью. Одна лишь мысль — лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта — приводит их в иступленное бешенство».

Да, у проконсула Кавказа Алексея Петровича Ермолова была поистине мудрая голова. Жаль только, что государь отозвал его, сделав вдобавок ему выговор за чрезмерную жестокость, а то бы он своей беспощадной рукой давным-давно смирил бы проклятую Чечню.

Евдокимову в Кубанской области повезло. Прижал он горцев к морю. Михаилу Таризеловичу вспоминались лицемерные строки из донесения Евдокимова на имя наместника: *«Задача кавказской армии идет к концу. Горцы, согнанные нами на узкую полосу вдоль моря, при дальнейшем наступлении наших войск окажутся в безвыходном положении. Немногие из них захотят оставить величественную природу родного края, переселиться в прикубанскую степь. Поэтому наше человеколюбие и желание облегчить задачу нашей армии заставляют нас открыть им другой путь: переселение в Турцию».*

Прочитав эти строки, кавказское начальство прониклось жалостью к горцам.

— Всякое противодействие намерению горцев удалиться из отечества,— сказал тогда исполнивший обязанности наместника князь Орбелиани,— при том крайнем положении, в которое они поставлены действиями наших войск, было бы по отношению к ним только излишней жестокостью. Надо графу Евдокимову позволить горцам переселиться в Турцию. Не знаю только, как эта многотысячная масса переправится за море?

Выход нашел начальник Главного штаба Карцов:

— Поскольку переселение проходит согласно нашим видам и может ускорить окончательное покорение и колонизацию всего Кавказа, мы должны всеми средствами облегчить им выселение. Думаю, не стоит препятствовать турецким судам приставать к любому пункту берега, населенного горцами, а также не останавливать их, если на обратном пути они будут забирать переселенцев.

— Но не кажется ли вам, Александр Петрович, что одних турецких судов будет недостаточно?

— Подключим суда нашего торгового и военного флота. А может, и западные державы помогут.

— Вполне возможно,— согласился Григорий Дмитриевич.— Ведь они не меньше нашего заинтересованы в этом.

К счастью Евдокимова, все складывалось как нельзя лучше. Не только турки, но и англичане, французы, итальянцы и греки предоставили свои суда. Живыми ли, мертвыми ли, но Евдокимов удалил полмиллиона горцев! А он, Михаил Тарилович, не может отправить за кордон даже и двадцати тысяч чеченцев.

Нет, везет Николаю Ивановичу! Поистине, он родился под счастливой звездой. Сын фейерверкера, рядовой солдат, затем Койсубулинский пристав, человек малограмотный, но хорошо знающий обычаи, быт горцев, он быстро сделал карьеру, дослужился до генеральского чина и графского титула.

Конечно, царь потому и отмечал Евдокимова. Когда войска не смогли силой оружия сломить сопротивление горцев, Николай Иванович с еще большей жестокостью возобновил всеми забытую ермоловскую военную тактику. Алексей Петрович работал в Чечне топором, а Евдокимов — огнем. Сначала делая набег, а потом, шаг за шагом продвигаясь все

дальше в глубь Чечни, он сжигал все, что попадалось ему на пути, – аулы, сады, леса... Если что-то мешало угнать скот, то его просто истреблял.

Девиз Евдокимова «выкурить горцев» стал такой же программой, как некогда девиз Ермолова «вырубить леса».

– Не вступайте с чеченцами в бой, – наставлял Евдокимов своих офицеров, – наоборот, избегайте этого. Уничтожьте аулы, леса, зерно, урожай, пастбища, скот и отступите. Голод и холод рано или поздно заставят их сдаться. Огонь, огонь и еще раз огонь!

В последние годы войны Евдокимов все больше внимания уделял лазутчикам. Он разработал систему оплаты предательства: столько-то за информацию, столько-то за побег от имама, за выступление против имама, за нейтралитет, за сданную пушку... Одним словом, граф Евдокимов создал для горцев своеобразную школу морального разложения. Что ж, графу удалось сделать в этом направлении определенные успехи. По словам Бярятинского, граф был неплохим учителем, хотя и не без греха: нечистым на руку, да к тому же взяточником.

В конце концов Михаилу Таризловичу стало стыдно за себя: до чего дошел – завидовать карьере какого-то беспринципного, жестокого и вороватого солдафона!

Нет, Михаил Таризлович, потомственный дворянин, не опустится до такого. Евдокимов работал грязными руками, но не головой. А Михаил Таризлович себя еще покажет.

...Михаил Таризлович стоит у окна, наблюдая, как пенятся снежные облака на вершинах гор. В густой листве тополя воркуют голуби. С гор веет прохладой. Он поднимает плечи и встряхивает головой, как бы отгоняя от себя мрачные мысли. «Хорошо бы в тень, под дерево...» Но в ту минуту открывается дверь и входит начальник штаба полковник Свистунов. Лорис-Меликов невольно залюбовался его стройной фигурой.

– Пакет из Главного штаба, ваше превосходительство.

– Положите на стол, – кивнул Лорис-Меликов. – Что сообщают из Чечни?

– Имеются донесения начальников Ичкерийского и Аргунского округов.

– Ну и что нового?

– Все то же. Непокойно в Нагорной Чечне. Если судить по сообщениям, в народе зреет восстание. К счастью, возмутителей поддерживает только молодежь. Старшее поколение не уверено в успехе.

– Было бы логичнее, если идея исходила от старшего поколения. Значит, молодежь верит в успех, любезный Александр Павлович? Это опаснее.

Оба с минуту молчат.

– Будут ли какие указания?

– Нет, благодарю вас.

Когда за полковником закрывается дверь, Михаил Тариэлович подходит к столу, покрытому блестящим черным лаком, и грузно опускается в глубокое мягкое кресло с высокой спинкой. Медленным движением он срывает сургучные печати, перочинным ножом разрезает конверт и листает сложенные вчетверо листки бумаги. Протерев чистым батистовым платком стекла очков в золотой оправе и водрузив их на длинный, мясистый нос, он бегло просматривает вступление, а затем внимательно читает:

«... Надо отметить, что не все части Восточного Кавказа одинаково нам враждебны и одинаково для нас опасны; следовательно, не все они требуют одинаково строгих мер предосторожностей. В западном отделе Терской области разноплеменность населения, давняя привычка к русскому управлению, а частью и разность религий населения делают власть нашу почти упроченной; тут возможны только частные, мелкие беспорядки. В округе Кумыкской – и свойственно местности, повсюду ровной, и быт народа, достигшего под нашим управлением весьма значительной степени благосостояния, также устраняют опасность восстания.

Дагестан же находится в ином положении, исконно воинственное и фанатичное население его ненавидит нас, может быть, более, чем кто-нибудь другой. Скудная, суровая природа страны подает мало надежд на развитие материального быта населения и на смягчение нравов его. Но эта же природа и сложившийся быт народа облегчают нам управление данным краем и позволяют удерживать его в повиновении. Природа приучила дагестанцев к труду. Здесь, на скалистых горах, каждый клочок земли, способный к обра-

ботке, добытый потом и кровью поколений, передается из рода в род и составляет единственное средство обеспеченного существования семьи. По всем этим причинам, никак не рассчитывая на преданность нам дагестанского населения, мы можем, по крайней мере, надеяться, что восстание в Дагестане не произойдет.

К сожалению, ни один из трех факторов, которые упрочивают нашу власть в Дагестане и в двух крайних отделах Терской области, не существует в среднем отделе последней, населенном чеченским племенем. Тут, наоборот, все против нас: и характер народа, и быт его, и местность. Продолжительная война, которую чеченцы вели, не возвысила и не улучшила их характера; поставленные между ударами наших войск и деспотической властью Шамиля, не имея сил ни защищаться от нас, ни свергнуть шамилевское правление, чеченцы в течение 20 лет старались только увертываться от грозивших опасностей, употребляя свое оружие и разные хитрости то против одной, то против другой стороны, и всегда друг против друга. В этой странной двойной войне и непрекращающейся междоусобице они утратили почти всякое понятие о долге, об уважении к собственности, о святости данного слова. Привычка к опасностям и хищничеству развилась в них до такой степени, что сделалась почти потребностью. В течение 20 лет ни один из чеченских аулов не был уверен в том, что он останется на месте до следующего дня: то наши войска уничтожали их, то Шамиль переносил на другие места по мере наших движений. Благодаря необычайному плодородию почвы народ не погиб от голода, но утратил всякое понятие об элементарных удобствах жизни. Демократизм у них всегда был доведен до крайних пределов: они не имели не только понятия о сословиях и наследственной власти, но и понятия о какой бы ни было власти вообще. В языке чеченцев нет слова «приказать...»

— Написал бы короче: сумасшедший народ,— глубоко вздыхает Лорис-Меликов.— И только могила его исправит...

«...При таком характере и полном отсутствии общественных связей чеченцы занимают и местность, наиболее

благоприятную ко всякого рода беспорядкам и мятежам. В течение продолжительной войны мы отняли у них много земли, но такой, которая теперь не имеет важности ни в политическом, ни в военном отношении. Они владеют всеми лесистыми ущельями Черных гор, имеющими значение крепостей, горными труппами Аргунского и Ичкеринского округов и через них выходят на непосредственную связь с Дагестаном. Здесь находят безопасное убежище все их абреки.

Сознавая опасность такого положения Чечни, граф Евдокимов, вслед за покорением Восточного Кавказа предложил отделить ее от гор линией станиц и укрепленных штаб-квартир, расположенных у выходов из ущелий Черных гор».

– Ну и ну! – качает головой Михаил Таризлович. – Все самые хорошие замыслы Карцов приписывает себе и графу Евдокимову...

«... Чеченцы поняли, к чему склонились эти меры, и решили им противодействовать силой – произошло восстание в Ичкерии и Аргунском округе: во всех лесах появились значительные шайки абреков. Но восстания эти были подавлены, наиболее виновные в них общества Аккинское и Беноевское поселены на равнину; карабулакцам приказано было переселиться в Малую Кабарду. Нет сомнений, что энергичное продолжение принятой системы действия привело бы к цели, хотя и не без затруднений, может быть, немаловажных. Но, к сожалению, граф Евдокимов, по причине назначения его командующим войсками Кубанской области, не мог лично заняться исполнением предложенных им мер. Назначенный вместо него командующий войсками Терской области генерал-лейтенант князь Святополк-Мирский не разделял его убеждений: он полагал, что уже настала пора действовать в Чечне мерами кротости и что для того, чтобы прекратить навсегда их замыслы, достаточно внушить горцам доверие к нам. Он, отклонив малокабардинцев от переселения в Турцию, объявил чеченцам, что дальнейшее заселение станиц отменяется, что земли, которые для станиц предназначались, останутся их собственностью: аккинцам и карабулакцам позволил возвратиться на прежние места. Эти

меры князя Мирского поставили и чеченцев, и казаков 2-го Владикавказского полка в такое положение, в котором ни те, ни другие долго существовать не могут. Начав приводить свой план в исполнение, граф Евдокимов, как выше сказано, выселял чеченцев из гор на равнину...»

– Опять вранье! Выселение их на равнину происходило не при графе Евдокимове!

«...Земли же, оставшиеся свободными, занял казачьими станицами в намерении выдворить чеченцев в Кабарду. Но так как кабардинцы остались, то теперь все население Чеченского округа теснилось на пространстве 70 квадратных миль. При такой местности не только развитие сельского хозяйства, но даже существование народа не может считаться обеспеченным. Теперь не проходит весны, чтобы аулы во время начала полевых работ не начинали споров между собой из-за двух-трех десятин, споров, кончавшихся всегда схватками и убийствами. Многие из нуждающихся в земле тайком уходят в горы и устраиваются в трупобах, откуда были выселены, и приходится вновь изгонять их оттуда силой оружия».

– Выходит, что и здесь все успехи мы добыли благодаря Евдокимову, – усмехнулся Лорис-Меликов. – А меня отодвигает в тень. Если Евдокимов действительно имел те замыслы, которые приписывает ему Карцов, то почему же он назначил Кундухова начальником Чеченского округа? Правдоподобнее допустить, что восстание Аргунского и Ичкеринского округов встревожило его, и назначением Кундухова граф пожелал угодить чеченцам.

«...Чтобы выйти из этого неопределенного, но тяжело для нас положения, представляются два способа действий: первый – решительный, ведущий прямо к окончательному уничтожению возможности восстания в будущем, заключается в переселении всех чеченцев на левый берег Сунжи и Терека, а также в Малую Кабарду, а станиц 1-го и 2-го Сунженских полков на места чеченцев, чтобы занять всю линию предгорий от Верхней Сунжи до Качкалыкского хреб-

та, и таким образом отделить Чечню от горных округов Терской области и Дагестана. Исполнив это, мы окончательно и навсегда успокоили бы себя не только в Терской, но и в Дагестанской области. Отрезанный от продовольственной базы Чечни Дагестан не посмел бы никогда восстать против нас. Но, чтобы исполнить этот план, нужно быть готовым встретить и преодолеть отчаянное сопротивление.

Второй путь – это по мере возможности постепенное переселение чеченцев в Турцию.

Исполнение всех этих предложений потребует не менее пяти или шести лет при непременно условии, чтобы в течение этого времени мы имели в Терской области достаточное число войск, во всякую минуту готовых к действию, и чтобы в течение этого времени не было внешней войны. Но и при таких условиях нельзя ручаться, что не произойдет вспышки от каких-либо случайных непредвиденных обстоятельств. В таком случае уже достоинство нашей власти и поддержание ее в глазах других кавказских народов требуют решительных мер, и на подобный случай необходимо предоставить главнокомандующему право привести в исполнение первое предложение, то есть переселение всех чеченцев на Сунжу, чтобы раз и навсегда положить предел возможности восстания...»

«Теперь все это мне известно лучше, чем вам всем вместе взятым, – подумал Михаил Тариэлович. – Заселили казаков, понастроили военных укреплений где попало, не заботясь о последствиях. Надо было тогда думать, милостивые государи. Заселение казачьих станиц сделано для достижения частных военных целей. Главная же цель оказалась упущенной. Вот и вышло, что русское население беспорядочно смешалось с туземным и не может оказывать того решительного влияния, какого от него следовало бы ожидать. Теперь придется все менять. А этого нельзя сделать без кровопролития. И все беды и заботы свалились на мою голову...»

Михаил Тариэлович складывает вчетверо послание и нервно сует его в казенный конверт.

– Ладно, утро вечера мудренее, – бормочет он, пряча конверт в стол.

ГЛАВА II

НЕЖДАННАЯ ПОМОЩЬ

Доказано безумие тех, кто воображает, что при помощи власти, которой они облечены, можно помешать потомству узнать об их поступках...

Корнелий Тацит

Топот копыт по мостовой прервал мысли Михаила Тариэловича. Он выглянул в окно: шестеро всадников въезжали в открытые ворота. Приглядевшись, узнал их. Впереди – стройный генерал-майор Кундухов, чуть поодаль – его старший брат Афако, высокий, неуклюжий, постоянно сопровождающий Кундухова во всех поездках. Сзади – свита.

Вошел адъютант Золотарев и доложил, что прибывший Кундухов просит принять его.

– Пусть войдет, – бросил Лорис-Меликов и нахмурился.

Оба они, и Кундухов, и Лорис-Меликов, были не только кавказцами, но и людьми одного круга. Однако Лорис-Меликов недолго любил этого преуспевающего красавца и в душе тешил себя надеждой, что в скором времени им придется расстаться: либо всех этих горцев, а с ними заодно и Кундухова переселят в единовенную Турцию, либо его, Лорис-Меликова, переведут служить в Петербург. Пока же приходилось терпеть и лицемерить...

– Муса Алхазович, дорогой, каким ветром? – лицо Михаила Тариэловича расплылось в широкой улыбке; раскинув руки, он поспешил навстречу гостю, подвел его к мягкому креслу, сам уселся напротив. – Рассказывайте, милый, что нового? Не скучаете в своем Скут-Кохе?

– Какие новости могут быть в горах? Они к нам приходят отсюда, из Владикавказа. Лучше вы расскажите, Михаил Тариэлович, как обстоят дела?

– Да о чем говорить-то! Неполный год – слишком короткий срок для больших дел. Планы, это да. А говорить о чем-то реальном рано.

– Государь доверил вам самую трудную на Кавказе область. Это надо ценить, Михаил Таризелович. Беспокойные мысли, тревожившие все утро Михаила Таризеловича, вновь овладели им, теперь уже с еще большей силой: «С чего так поет этот скользкий и хитрый Кундухов?»

– Не скрою, мне приятно доверие государя. Однако трудно приходится, чертовски трудно! Чеченцы – упорный народ, чрезвычайно упорный. Считают, что война окончена. Но вы-то хорошо знаете, что это не так. Непокорность чеченцев фанатична. Все соседние племена покорились нашей власти, приняли наше подданство, платят нам налоги и несут повинность. А в Чечне ничего подобного не произошло. – Лорис-Меликов поднялся. – Вы простите, Муса Алхазович, не могу спокойно говорить об этом.

– То, что Чечня – крепкий орешек, ваше превосходительство, пора бы давно всем понять, – сказал Кундухов, поглаживая пышные черные усы. – Покорение закавказских и дагестанских племен шло проще. Там мы заменяли прежние власти новыми, а вопрос о территории не имел значения. Занятием русскими нескольких поселений не нарушался баланс прежнего хозяйственного строя народа. В Кубанской области, где казахи поселения явились тактической необходимостью, дело обстояло несколько иначе, хотя тоже без осложнений. Местные племена, уставшие от борьбы с нами, но имевшие под боком море, предпочли просто покинуть этот край, освободив для колонизации огромную территорию. Незначительные же остатки тамошних племен, лишенные жизненных корней, со временем исчезнут бесследно, растворятся среди преобладающего русского населения, тем самым избавив от новых забот русское правительство. – Кундухов помолчал, а затем продолжил: – Совершенно с другими обстоятельствами и с иными условиями приходится сталкиваться при наведении порядка и спокойствия в Чечне. С одной стороны, стесненность территории после переселения в область ста тысяч казаков поставила большую часть чеченцев перед полным крахом их хозяйственного уклада и быта. С другой,

замкнутость края, лежащего между безводной степью и снеговым хребтом, не дает возможности удалиться за пределы области беспокойные и неспособные к принятию гражданственного устройства чеченские племена. И вся беда в том, что, уступив нам почти половину земель, притом земель лучших, они сумели сохранить за собой хоть и небольшую, но важную в стратегическом отношении территорию.

– Да, Муса Алхазович, – ответил Лорис-Меликов, – оставляя чеченцев в настоящей ситуации, не следует верить в будущее спокойствие. Хотя безвыходных положений не бывает. Мы навели порядок по всему Кавказу. Наведем его и в Чечне.

– Только план начальства, Михаил Тариэлович, переселить чеченцев в Малую Кабарду, неосуществим, – заметил Кундухов. – Разделить Чечню на две части – это все равно, что снова завоевать ее.

– Добровольно они, конечно, свои земли не оставят, – согласился Лорис-Меликов. – А что делать? Ваше мнение?

Кундухов уклонился от прямого ответа командующего.

– Бог поможет, – двусмысленно улыбнулся генерал-майор. – Вряд ли нам удастся покорить их одной лишь силой оружия. Здесь нужен другой прием.

– Подкуп?

– Не совсем. На деньги клюнет лишь ничтожная часть чеченцев. К тому же у них нет ханов и князей, значит, нет и властных, честолюбивых структур для подкупа. Да, своеобразное племя. Что конь необъезженный – узды не любит.

– Оно, может, и к лучшему, что у них не было и нет этих самых ханов и князей, – задумчиво покачал головой Лорис-Меликов. – Вспомните, в каких изуверов превратились те же дагестанские ханы. Тарковский Шамхал бил своих крестьян палками, выкалывал им глаза, бросал на погибель в сырые зинданы¹. Кюринский Аслан-хан провинившихся крестьян пытал каленым железом, отрезал уши, прокалывал языки шилом, бритые их головы обливал кипящим маслом. Крестьянских девушек меняли у чеченцев на лошадей. Я считаю, что российская культура навсегда и с корнями вырвала и уничтожила у них столь дикие нравы.

¹ Зиндан – глубокая яма, подземная тюрьма.

Кундухов криво усмехнулся.

— Но не забывайте, что в самой-то России крестьян и сегодня держат в не менее рабских условиях. Вы извините меня, ваше превосходительство, но я с вами как кавказец с кавказцем буду откровенен до конца. Когда Ермолов освобождал дагестанцев, русский мужик находился во сто крат худшем положении. Разве помещики не обменивали своих крестьян на гончих и борзых, разве газеты не пестрели объявлениями о том, что у каких-то помещиков имеется в продаже столько-то крепостных душ? Это в просвещенной-то России! Что же можно спрашивать с темных дагестанских феодалов? Смешно, парадоксально, но дикарями-то оказываемся мы с вами.

Ошеломленный Лорис-Меликов внимательно слушал излияния, столь не свойственные Кундухову, который, казалось, потерял всякий контроль над собой.

«Однако не все выкладываешь, не до конца. Мне-то видно, какие ты мысли оставляешь при себе.— Командующий прикрыл глаза.— Верна поговорка, сколько волка не корми— он все в лес смотрит».

— Значит, вы не одобряете нашу политику по отношению к местным племенам? Иначе говоря, вы против высочайшей воли Его Величества? — спросил он, вперив острый взгляд в собеседника.

— Я всегда был и остаюсь верен государю императору и принятой присяге. Но хочу, чтобы и на нас смотрели, как на людей. Ведь как бы преданно мы ни служили, какие бы подвиги ни совершали, даже в глазах русского унтера я и подобные мне выглядят лишь прирученными дикими зверями, проливающими кровь своих собратьев за чины и деньги.

Лорис-Меликов неторопливо подошел к Кундухову и слегка потрепал его по плечу.

— Милый мой, вы слишком горячитесь. Договоримся: вы ничего не говорили, я ничего не слышал. Но поостерегитесь то же сказать кому-то другому. И будет гораздо лучше, если вы вообще выкинете из головы свои мысли. Что касается меня, то я с вами в корне не согласен. Нельзя судить о России по делам отдельных личностей. Россия — страна просвещенная. Согласны вы или нет, но горские племена в своем развитии страшно отстали от других народов. Они ведут полудикую

жизнь. И я горжусь тем, что именно России выпал жребий вывести их из темноты к свету цивилизации. Но сие свершится не скоро. Потребуется, ой как много времени и труда на это. И жертв... тоже... Будьте дальновидным. И терпеливым тоже...

— Прошу прощения за несдержанность,— перебил его Кундухов.— Во мне течет кровь горца и сердце тянется к своим. Я не могу оставаться равнодушным к судьбе чеченцев, хотя они и из другого племени. Уверен — они не покорятся. И у меня нет никаких сомнений в провале вашего плана. Он неприемлем. Более того, чреват непредсказуемыми последствиями. Если мы начнем переселять чеченцев силой, то они немедленно возьмутся за оружие. А это уже новое кровопролитие. Вернемся к сороковому году. Думаю, если бы тогда мы постарались найти общий язык с чеченцами, то войны с ними, возможно, удалось бы избежать. Неужели мы снова повторим ту же ошибку? Не берите пример с генерала Пулло, ваше превосходительство!

Сегодня Кундухов удивлял Лорис-Меликова. Командующий то и дело поглядывал на него, словно сомневался, а тот ли самый человек сидит сейчас перед ним? Небывалое дело! Начал заступаться за горцев, чеченцев жалеет. Но разве не он, не Кундухов, пролил столько чеченской крови? Разве не он отличался при этом особой жестокостью в Ичкерии?

— Хитрость, осторожность выжидания— вот наши надежные союзники в этом деле,— добавил Кундухов.— В противном случае не миновать беды. В Чечне появится новый Шамиль.

— Второго Шамиля не будет,— отрезал Лорис-Меликов.

— Да, справедливо. Великие люди рождаются раз в сто лет.

— Вы меня неправильно поняли, Муса Алхазович,— покачал головой Михаил Таризлович.— Я говорю не о личности Шамиля. Признаю, что он, бесспорно, был мудрым и смелым человеком, талантливым организатором, в духе горцев. Но военные победы были результатом действия его лучших наивов. И еще вы забыли, дорогой мой, что великим Шамиля сделали чеченцы. Ведь в 1839 году не без помощи самих же дагестанцев мы его почти похоронили в Ахульго, после чего он с семерыми товарищами, скрываясь в горах Дагестана,

всеми преследуемый, добрался до Чечни, где нашел приют и убежище. На его счастье и к несчастью нашему – в этот период восстала Чечня. Так что стечение обстоятельств, игра случая вознесли Шамиля на вершину тех событий. Как в свое время французская революция – Наполеона. Двадцать лет Шамиль опирался на Чечню, которая поставляла ему военную силу и была его продовольственной базой. Собственно, почти вся война-то и проходила там. Кстати, чеченские военачальники составляли большую и наиболее талантливую часть его командования. Короче, в анналы истории Шамиль навечно вписал свое имя острием чеченских сабель. Но теперь нет и прежней Чечни. Она потеряла всех своих талантливых вождей и храбрых воинов, а оставшихся Шамиль разложил морально.

– Мы тоже не сидели сложа руки.

– Еще раз повторяю: теперь нет той прежней Чечни и никакому новоявленному Шамилю не выстоять против нас. Хотят они или нет, но все малые и отсталые народы должны подчиняться более сильному, более развитому. В своих собственных интересах. Тому учит многовековой опыт истории.

– Что верно, то верно, – согласился Кундухов. – Время рыцарей ушло. И Чечне не стать прежней. Как вы справедливо соизволили выразиться, ее разложили морально. В течение последних двадцати лет она металась между двух огней: с одной стороны – деспотия Шамиля, с другой – мы.

Разговор прервался. Вошел капитан Золотарев и положил перед командующим папку с официальными бумагами. Лорис-Меликов бегло просмотрел их, подписал и вернул. Капитан вышел.

– Да, хитрым и коварным оказался Шамиль, – сказал Лорис-Меликов. – Если бы не его политика «разделяй и властвуй», с Чечней пришлось бы еще долго возиться. Чтобы убить у чеченцев патриотизм, дух вольности, уничтожить родовые связи, народные традиции и обычаи, превратить их в преданных рабов, отменив адат¹, Шамиль силой насаждал в Чечне шариат. Дошел до того, что, не доверяя чеченским муллам,

¹ А д а т – обычай, традиция.

обучавшим детей в медресе, заменял их дагестанскими, оплел население Чечни сетью согладатаев и шпионов. Я думаю, не появись Шамиль со своими проповедями газавата, горцы давно помирились бы с русскими.

– До Шамиля были шейх Мансур, Бейбулат, Кази-Мулла.

– Благодаря дикому фанатизму горцев.

– К вашему сведению, Михаил Таризлович, наши горцы, тем более чеченцы, абсолютно ничего не имели против русских. Когда над кавказскими народами нависла угроза окататься под властью одной из трех могущественных держав – Турции, Персии или России, – все народы отдали предпочтение России. И не потому, что правление в России было более демократичным, чем в двух других, а потому, что здешние народы симпатизировали русскому народу, по природе своей простому, доброму, мужественному, хотя тоже бесправному и угнетенному. Более того, наше российское правительство золотом, чинами и подарками купило горских феодалов, переманив их на свою сторону. И скажу вам, Михаил Таризлович, первым из народов Кавказа, пожелавшим установить дружеские связи с Россией, был буйный, неугомонный народ Чечни. Не из страха. Чеченцы занимают безопасную территорию Северного Кавказа, а потому их не касались и не пугали разорительные набеги турков и персов. – Кундухов перевел дыхание. – Некогда сильный и многочисленный народ, живший в горах, обескровленный вековой борьбой с татаро-монгольскими завоевателями и полчищами Тимура, но так и не покорившийся им, стал впоследствии подвергаться систематическим набегам полчищ кабардинских, черкесских, калмыцких, ногайских и дагестанских феодалов. А что же правительство России? Да, наше правительство не только поощряло набеги, но и постоянно оказывало их участникам военную помощь. Порой чеченцам удавалось изгонять со своих земель феодалов-захватчиков. Но наши же русские войска совершали карательные экспедиции в Чечню, и, подавляя сопротивление чеченцев, теперь уже властью правительства вновь сажали им на шею столь ненавистных соседних феодалов. Видя происходящее, чеченцы, тем не менее, не вступали в конфликт с Россией, продолжали верить ей и уважать русский народ. По моему личному мнению, в этом немалая

заслуга терских казаков, которые лет двести жили бок о бок с чеченцами. Чеченцы и казаки были добрыми соседями, и по своим соседям чеченцы судили о русском народе в целом. Общественный строй, характер тех и других были сходны. Они перенимали друг у друга лучшие обычаи и традиции. Жили мирно и дружно, даже роднились между собой. И не думали ни о каких ссорах. Но мы-то с вами знаем политику нашего правительства. Вот тогда в Чечне появился знаменитый чеченский пастух Ушурма, прозванный шейхом Мансуром, после него – широко известный чеченский вождь Бейбулат Таймиев, затем – Кази-Мулла и, наконец, Шамиль. Политика России, бездумная жестокость наших генералов, чиновников и породили существующую сегодня вражду между горцами и русским народом. В том немало и нашей с вами вины, милостивый государь.

Все сказанное Кундуховым не было открытием для Михаила Тариэловича. Рассказ генерала напомнил ему историю и его предков, которые в XVI веке владели городом Лори в Грузии. Из-за набегов персидских войск город часто подвергался разорению. То он оказывался во власти персов, то вновь завоевывался грузинскими царями. В 1602 году Лорис-Меликовы вынуждены были принять ислам, а когда город вновь вошел в состав грузинского царства, вернулись в лоно христианской церкви. Так что в прошлом Лорис-Меликовым, чтобы спасти свое состояние и свою жизнь, приходилось менять не только подданство, но и веру. Но они преданно служили и тем, и другим. Так же преданно стали затем служить и русскому царю, за что тридцать лет назад император пожаловал Лорис-Меликовым русское дворянство.

– Скажу вам еще, Михаил Тариэлович, – продолжал между тем Кундухов, – и может быть, это мое личное мнение, но мне кажется, что во враждебном настроении горцев против России, в данном случае чеченцев, далеко не последнюю роль сыграли офицеры иностранного происхождения, которые служили в русской армии. Мне кажется, многим из них судьба России была и остается совершенно безразличной, как и судьба ее народов. Им что нужно – только чины да награды. Первыми русскими отрядами, которые столкнулись с чеченцами, командовали всякие там Кохи, Фрауендендорфы,

де Медемы, Кеки, Рики, Пьеры и другие иноземные легионеры-наймиты. Именно они расправились с чеченцами, когда те восстали против владычества кабардинских и кумыкских князей. А свою жестокость прикрыли именем русского правительства, которое, кстати, закрывало глаза на их деяния. Они-то и довели чеченцев до всеобщего восстания во главе с шейхом Мансуром.

Но и правительству уже невозможно было отступать. На карту были поставлены честь русского государства и слава русского оружия! Думали покончить с чеченцами одним ударом, но те и не помышляли о покорении силе. Одна жестокость порождала другую. Вот так из года в год между горцами и Россией углублялась пропасть, которую рыли наши генералы и чиновники. Вместо того, чтобы провозгласить мир между горцами и русскими, они награвливали их друг на друга. Потом уже более умные и дальновидные спохватились, но было поздно. Уверен: если бы в свое время наше правительство прислушалось к трезвым советам дипломата Грибоедова, генерала Раевского и, наконец, нынешнего военного министра Милютин и добивалось успокоения края не штыком, а путем добрососедства, развития торговли, ненавязчивого распространения русской культуры, то не было бы ни Мансура, ни Бейбулата, ни Шамиля.

Лорис-Меликов терпеливо выслушал собеседника, а когда тот закончил, снисходительно улыбнулся.

— Так-то оно так, мой милый Муса Алхазович, но прошлое уже не вернешь. Возможно, и поэт Грибоедов, и генералы Раевский и Милютин по-своему правы. Но путь, предложенный ими, был долгим и на том этапе ненадежным. Ведь на Кавказ зарились не только Турция и Иран, но и западные державы, в первую очередь — Англия и Франция. Мы же не могли, просто не имели права допустить, чтобы столь богатый и стратегически важный край попал в руки врагов России. Они и сегодня продолжают ту же политику захвата края любыми средствами. Но мы не уступили и не уступим его никому. И тот факт, что делается это в интересах не только России, но и самих же горцев, подтвердит будущее. Все идет по своим естественным законам. Ничего не поделаешь, дорогой мой друг!

Кундухов глубоко вздохнул и покачал головой.

— Вы меня не переубедили, Михаил Таризлович. Будущее горцев можно было устроить совершенно иным, мирным путем. Учитывая их традиции, быт, характер, общественный строй, следовало постепенно, осторожно, десятилетиями вводить у них российское правление. Правительство же решило сделать это одним махом. В результате такого необдуманного шага — долголетняя, взаимоистребительная война, вражда и недоверие, посеянные на многие годы между русским и горскими народами. Чеченцев лишили самого дорогого — доброй половины плодороднейших земель. Насколько мне известно, в одном только Сунженском отделе у них отобрали около четырехсот тысяч десятин, передав их казакам. Всего же на их землях основали более двадцати станиц и возвели столько же военных укреплений. Почти все западные горцы уходят в Турцию...

— Ничего, Муса Алхазович, — равнодушно махнул рукой Лорис-Меликов. — Зато оставшиеся будут покорны, как овцы. Между прочим, генерал, а почему все вы, когда поднимают земельный вопрос, ссылаетесь лишь на казаков? Да, правда, львиная доля земель передана им. Но ведь не только казаки стали владеть землями горцев. Вот вы-то сами, лично вы, милый Муса Алхазович, сколько земли к своим рукам прибрали?

Кундухов смутился.

— Ну, чуть более двух тысяч десятин... Только не чеченской земли...

— Какая разница? Речь идет о горах вообще. Хорошо, будем говорить лишь о чеченских землях. Скажите, князя Таймазов, Бекович-Черкасский по сколько себе отхватили?

— Кажется, по шесть с половиной тысяч каждый.

— Ага! Вот где собака зарыта! Князя Алхазовы имеют две тысячи восемьсот, Турлов — две тысячи, княгиня Эльдарова — тысячу четыреста. А чеченские офицеры Чермоев, Шамурзаев, Курумов и десятки других прибрали от двухсот до семисот десятин каждый. Не хочу говорить уже о таких мелких сошках, как торговцы, муллы и прочие, которые владеют всего двумя сотнями десятин. Следовательно, в бедах горцев виноваты не только казаки. Они-то оправдание имеют, поскольку их насильно пригнали на чеченские земли. А вот вы-

то сами, Муса Алхазович и вся эта компания? Вы-то как смогли без всяких угрызений совести прибрать к рукам земли своих собратьев? Думаете, чеченцы только на казаков смотрят, как на врагов? Ошибаетесь, любезный. Если бы чеченцам удалось одержать верх, они в первую очередь дали бы пинка и вам, и всей вашей милой компании! И потеряли бы вы не только свои обширные поместья, но и свои дурацкие головы, простите меня за грубость. Только умная голова подобные речи, направленные против основ государства российского, не произносит вслух.

Лорис-Меликов тоже умел играть и скрывать свои чувства. На его месте другой бы сейчас кричал, стучал кулаком по столу, грозил виселицей. А Михаил Таризлович говорил спокойно, насмешливо, и могло показаться даже, что он просто шутит.

— Значит, чеченцев вам жаль? — продолжал он с улыбкой. — А сами-то, батенька, вы их сколько уничтожили? А-а, счет не вели... Ну что ж, раз вы сочувствуете безземельным чеченцам, раз лично вы так гуманны, то и уговорите и самого себя, и всех вышеназванных князей да новоиспеченных помещиков вернуть чеченцам украденные земли. Таким образом, вы вполне можете обеспечить землей пятьдесят тысяч чеченских семейств.

Кундухов хотел ответить, но генерал-лейтенант повелительным жестом остановил его. Сложив руки за спиной, Лорис-Меликов мелкими мягкими шажками несколько раз прошелся по комнате, потом остановился около Кундухова и тихим, доверительно-ласковым голосом произнес:

— Вы, Муса Алхазович, отличный генерал, но никудышный политик. — Помолчал и продолжил резко, словно на строевом плацу: — Безусловно, наше правительство совершило целый ряд крупных ошибок в процессе покорения края. Но в целом политика нашего правительства верна и покоится на надежной и прочной основе. Проводится она в державных интересах, в целях сохранения, укрепления и расширения Российской империи. Правительство просто не могло допустить автономного правления ни в Чечне, ни в других вновь приобретенных областях. Иначе такой же автономии захотели бы и малороссы, и поляки, и белорусы, и грузины, и финны, и другие народы. Но в первую очередь, захотели бы сами

русские мужики, к чему их и без того толкают разные там революционеры-демократы. И ваш Грибоедов в том числе. А что потом? Потом русские потребовали бы свержения монархии и провозглашения республики. А это уже мы проходили во Франции. По тем же причинам не можем мы допустить и сближения народов, населяющих империю. Все, что делается правительством, в том числе и заселение окраин русскими колонистами, делается для того, чтобы раз и навсегда укрепиться повсюду. Не можем мы поступиться национальными и государственными интересами ради каких-то там чеченцев или адыгейцев. А тем более — ради отдельных личностей. Пусть даже и великих, и гениальных...

* * *

Конечно, генерал Кундухов знал, о чем говорил, и во многом был прав.

Летом 1839 года тридцатитысячный отряд генерала Граббе, с тридцатью орудиями и с почти пяти тысячной Дагестанской милицией начал осаду укрепления Шамиля — аула Ахульго. После двухмесячной героической обороны Ахульго пал. При штурме были убиты сестра Шамиля, его жена и малолетний сын. Самому имаму вместе с семерыми товарищами чудом удалось спастись и пробраться в Чечню.

Чечня с 1785 года вела непрерывную борьбу против царских войск. Сперва ее возглавлял шейх Мансур, затем известный Бейбулат, позднее восточная часть Чечни признала Казимуллу.

В первые пять лет имамства Шамиля царские генералы не тревожили Чечню, решив не трогать этого самого опасного противника в горах Кавказа, пока не покончат с Дагестаном, но после падения аула Ахульго русское командование решило, что пришла пора братья и за Чечню.

В начале сороковых годов в ней начали устанавливать военно-колониальный режим. Население обложили податью: от каждых десяти дворов — по ружью, от каждых десяти человек — по одному заложнику. Возводились военные укрепления, аулы переселялись под жерла крепостных орудий.

В Чечне началось всеобщее восстание. Но восставшему народу требовался вождь. И хотя в самой Чечне было немало

людей, достойных стать предводителем, выбрать кого-либо из них народ не хотел. Чеченцы видели бесправную тяжелую жизнь соседних народов под властью местных феодалов, поэтому они страшно боялись возвышения соплеменников, дабы потом не лишиться своей относительной свободы. Вот тогда-то и вспомнили о Шамиле, который скитался по аулам Нагорной Чечни. Ему и решили предложить руководство восстанием, рассуждая примерно так: покончим с царскими войсками – прогоним и Шамиля, ведь он не свой.

Шамиль принял предложение с радостью. Он уже давно вынашивал мечту возглавить столь воинственный народ. Теперь у него появилась возможность отомстить и царским генералам, которые разбили его наголову, и некоторым своим землякам, бросившим его в трудный час и перешедшим на сторону врагов.

Царские войска терпели в Чечне крупные поражения. Здесь с каждым годом все ярче и ярче сияла звезда Шамиля. Пришла пора покорять свои собственные дагестанские общины.

Преследуя тонкий расчет, Шамиль всячески поощрял чеченцев, подчеркивал их численное превосходство, воинственность, героическое прошлое, и тем самым возбуждал и разжигал в них честолюбие и этнический национализм.

Когда Шамиль стал повелителем и Чечни, и Дагестана, он тут же почувствовал опасность со стороны чеченцев. Поэтому он прилагал все усилия, чтобы разрушить их родоплеменные связи и взамен адатов упорно насаждал среди них шариат, что позволяло ему укрепить здесь свою абсолютную власть. Скоро от руки кровников и в боях погибли наиболее авторитетные и просвещенные чеченские предводители: Джават-хан, Умха, Шоип-Мулла, Соиб, Саид-Мулла, Эльдар, Ших-Абдулла, Оздамир. К закубанским горцам отправились Магомед-Гирей, Магомед-Хаджи, Сулейман-Мулла, Магомед-Эмин. Только в 1847 году, после гибели одних и изоляции других, Шамиль осмелился объявить свое право на передачу власти по наследству. Но этому воспротивились Хаджи-Мурат и чеченские наибы.

Хотя Чечня была продовольственной базой и главным источником военной силы армии Шамиля, а чеченские наибы составляли наиболее преданную часть его генералитета, по-

литический и идеологический аппарат имамата состоял из дагестанских наибов и дагестанского духовенства.

С конца сороковых годов в верхах имамата сложились своеобразные «политические партии», которые были настроены не только друг против друга, но и против самого Шамиля. Эти партии объединили представителей султанских и бекских фамилий, а лидерами их стали Даниэл-бек Елисуйский, Кибит-Магома Каратинский и Хаджи-Мурат Хунзахский. К партии Даниэл-бека примыкал его зять, сын Шамиля, Гази-Магома. Правда, он чаще всего был занят тем, что мирил отца и тестя.

Каждый из лидеров преследовал свои цели и вел тайные переговоры с царскими генералами, пытаясь даже путем предательства вернуть себе привилегированное положение. Даниэл-бек, например, надеялся вернуть Елисуйский султанат и чин генерал-майора. Хаджи-Мурат стремился выкупить у царя Аварское ханство, Кибит-Магома жаждал имамства.

Чеченские же наибы в придворных интригах и антишамилевских заговорах не участвовали. Если Даниэл-бек, Хаджи-Мурат и другие надеялись выторговать у царского правительства прежние привилегии, то у чеченских наибов подобных надежд не возникало. Ведь все чеченские наибы возвышались не по сословному положению и богатству, а благодаря личной отваге. Так что примирение с царским правительством для них означало потерю всего, без приобретения чего-либо. Тем не менее, именно их-то Шамиль и боялся больше всего. Точнее, он вообще боялся чеченцев; ему внушали опасения их численность, их независимость от других народов, потенциальные возможности их края, их политические и экономические силы. Понимал Шамиль и то, что чеченцы будут до последнего бороться с царскими колонизаторами за свою самостоятельность, и если уж им придется решать вопрос о выборе наименьшего зла при примирении, то, наверняка, этим меньшим злом он, Шамиль, никак не станет.

Истребительная война, навязанная русским правительством, и его антинародная национальная политика привели к тому, что в последние годы имамата между издревле братскими народами Чечни и Дагестана, которые веками поддерживали друг друга в борьбе против чужеземцев, родилось недоверие.

Враг торжествовал!

* * *

В распахнутое окно, пробиваясь сквозь густую листву, вползали багряные отблески заходящего солнца. К вечеру город словно пробудился от дневной дремы, зашумел, загудел, заволновался. В комнате было слышно, как спутники Кундухова о чем-то спорили между собой на своем отрывистом гортанном языке, переговаривались с солдатами, временами их голоса прерывались громким смехом.

Оба генерала не прислушивались к жизни улицы: каждый думал о своем.

– Итак,– чуть подавшись вперед, нарушил затянувшееся молчание Лорис-Меликов,– будем считать, что экскурс в историческое прошлое завершен. Но, дорогой Муса Алхазович, ведь не ради прошлого вы нанесли мне визит. Ну-те-с, что у вас на душе и в сердце, выкладывайте.

– Даже не знаю с чего начать.

– Лучший способ – начать от печки,– улыбнулся Лорис-Меликов.

– Мне думается, ваше превосходительство, мы уже пришли к единому мнению.

– В чем именно?

– В том, что чеченцы побеждены, но не покорены. Раз не покорены, то они не смирились. Пламя пожара сбито, но под пеплом и золой остались раскаленные угли. Их жар мы с вами ощущаем постоянно.

– В этом я с вами полностью согласен.

– Позиция наша, прямо скажем, крайне неопределенная и неустойчивая. Чтобы положить конец такой зыбкости, вы хотите переселить часть жителей предгорий на левый берег Сунжи и Терека, часть – в Малую Кабарду, а освободившиеся земли заселить казаками.

– Совершенно верно.

– И вы рассчитываете, что чеченцы, повинувшись приказу, покорно снимутся с насиженных мест?

– Не захотят миром – заставим силой.

– Но ведь это повторение сорокового года.

– Сороковой больше не повторится. Я же сказал, что той, прежней Чечни уже не существует.

– Но силы-то сохранились. Они будут драться.

— Тогда мы окончательно разобьем их. Сегодня другие времена, а значит, и другие обстоятельства. На правом берегу Сунжи и Терека — казачьи станицы, в Нагорной Чечне — десятки военных укреплений. Как видите, большая сила. И в каком бы уголке Чечни ни вспыхнул очаг войны, он будет ликвидирован максимум в течение двух-трех недель.

— В том случае, если чеченцы построятся в боевые линии и примут сражение по всем правилам классической военной науки. Тогда, разумеется, и двух-трех недель много. Но они не примут открытый бой. Нет. Они скроются с семействами в горах и будут вести обычную для себя малую войну, скрытую, партизанскую, в которой они уже не раз и не два проявили себя непревзойденными мастерами. При таком раскладе едва ли будет возможно сладить с ними и за три года.

— У нас иного выхода нет.

— У них и подавно. Чечня потеряла не только лучшие земли, но и половину своего мужского населения. Чеченцы не могут вернуться к своему довоенному общественному строю, примитивному хозяйственному быту, но они не смогут и жить под одной крышей с победителями. Они не в силах выдворить нас. Как видите, ваше превосходительство, это тупик, из которого и чеченцы сегодня ищут выхода. У них два пути: либо погибнуть в неравной борьбе, либо по примеру закубанских горцев отправиться в Турцию.

— Какой же, по-вашему, путь они изберут?

— Если правительство попытается осуществить намеченный план, они выберут первый. А это — новая война.

— Что же вы предлагаете?

— Попытаться переселить их в Турцию. Добровольно.

— Вы серьезно? — усмехнулся Михаил Тариэлович. — Мне кажется, что вы и сами не верите в реальность своих слов, генерал.

— Отчего же, верю.

Михаил Тариэлович выжидающе посмотрел на Кундухова: «Любопытно. Как же ты собираешься осуществить такое?»

— Используем старый, веками испытанный способ, — подкуп, — проговорил Кундухов. — Соблазним деньгами наиболее влиятельных лиц. Поручим им распространить среди населения прокламации от имени турецкого султана. Подобных

образцов у нас хватит. Пусть в Тифлисе их переделают на чеченский лад. Уверен, многие «клянут».

– Сомнительно. Весьма сомнительно, – разочарованно протянул Лорис-Меликов. – Не уверен, что наши любезные чеченцы согласятся на переселение в Турцию.

– Думаете, выберут Малую Кабарду?

– Туда переселить их будет значительно легче. Кабарда-то недалеко от их родных краев. Близость родины – серьезный психологический фактор.

– Вы забыли, что Турция – мусульманская страна, а это тоже многое значит. Ведь добровольное присоединение закавказских народов к России произошло главным образом благодаря религии. И те же балканские славяне доброжелательно относятся к России, опять-таки из-за единоверия. Когда мы в Закавказье создали Эриванскую область, то в нее из Турции и Персии переселились десятки тысяч армян. В период же нашей войны с Турцией в Россию хлынула масса болгар и сербов. Если говорить о западных горцах, то они переселились в Турцию именно потому, что имеют одну веру с турками. В любом деле важна не только сила, но и хитрость. Я уверен, убежден, что мы сможем переселить чеченцев в Турцию, скрыв участие в этом нашего правительства.

– Если вы уверены в успехе, то кто же возьмется за организацию сего дела? Ведь здесь нужен будет такой человек, который был бы верен правительству, с одной стороны, но которому и доверяли бы чеченцы – с другой.

– Такой человек сидит перед вами. Я генерал русской армии и присягал на верность царю, но чеченцы, тем не менее, верят мне.

– Да, знаю. У чеченцев вы пользуетесь большим авторитетом... Так что же вам потребуется?

– В первую очередь, тысяч десять рублей для начала переговоров с влиятельными лицами. Затем письма, в которых султан приглашал бы чеченцев в свою страну, и тексты ряда других его обещаний; поручительство нашего правительства по оказанию помощи желающим переселиться. И, наконец, полное сохранение в глубокой тайне участия в разработке и организации этого предприятия как самого правительства, так и меня лично, в первую очередь.

Командующий задумчиво разглаживал усы.

– А примет ли чеченцев турецкое правительство? Ведь наши закубанские горцы уже буквально наводнили Турцию. Турки и по сей день никак не могут разобраться с ними, устроить их жизнь и быт. Борясь за выживание, горцы гибнут, занимаются грабежами, вступают в стычки с местным населением. Чеченцы не могут не знать об этом и не опасаться аналогичной собственной участи.

– Я лично поеду в Константинополь и улажу все эти дела. При дворе султана у меня хорошие связи. Надеюсь, что разрешу все вопросы.

«Уж что-то больно подозрительна забота о чеченцах, которую он проявляет, – мелькнула мысль. – Интересно, какие же личные цели он преследует?»

– Скажите, вам-то, собственно, какая от всего этого польза? – не выдержал в конце концов Лорис-Меликов.

– Никакой, клянусь вам! – воскликнул Кундухов, не опуская глаз под пристальным взглядом начальника области. Ему нечего скрывать и стыдиться, он ведет честную игру. Так, во всяком случае, казалось ему тогда. – Если мне удастся выполнить задуманное, то предотвращу готовящееся восстание. На пользу и чеченцам, и правительству. Чеченцев я спасу от гибели, правительство – от новой войны. И не свершится еще одно кровопролитие.

«Врешь, лиса. Ой, врешь! На твоей совести столько чеченской крови, что не тебе жалеть ее».

– И все-таки, дорогой Муса Алхазович, лично для себя вы ничего не требуете?

– Лично себе – ничего. Если же говорить об интересах дела... Допустим, я сам повезу в Турцию людей, недовольных нашими порядками, и тем самым окажу немалую услугу правительству. Но чтобы увезти их туда, я должен стать во главе переселенцев. Более того, сам вместе с семьей отправиться в Турцию... Исходя из этого, просил бы правительство разрешить мне переселение и заодно решить вопрос с моим именем...

«Что-то явно задумал этот хитрец. Какая же темная душа. Ну да черт с тобой! Если тебе удастся убрать с моей шеи хотя бы тысячу чеченских семей, а вместе с ними обратиться и са-

тому, то ничего страшного не произойдет. Только спасибо скажу и вздохну свободнее».

– Много у вас земли? – спросил Лорис-Меликов, хотя сам был отлично осведомлен об имении Кундухова.

– Две тысячи восемьсот десятин. Дом и постройки каменные.

– Сколько же вы хотели бы получить за свое имение?

– Ну, если оно стоит примерно тысяча сорок пять... А это, как минимум...

«Тоже, нашел дурака. За твое имение в базарный день дадут не более пятнадцати тысяч».

– И еще прошу, ваше превосходительство, разрешить отправиться в Турцию вместе со мной осетинам, тем, кто изъявит желание.

– А много таковых найдется?

– Тысяч пять семейств наберется.

«Поистине, Бог милостив. Если его затея выгорит, моя область очистится от многих отъявленных разбойников!»

– Ну что же, Муса Алхазович, о вашем предложении я напишу наместнику. И приложу свое положительное мнение.

Оба генерала встали и, высказав друг другу самые дружеские чувства, вежливо расстались.

Настроение Михаила Тариеловича было приподнятым.

«Ради такого дня не грех и рюмочку-другую пропустить», – подумал он, направляясь к дому по тенистой аллее.

Спустя десять дней после описанной выше встречи Лорис-Меликов получил телеграмму следующего содержания:

«Телеграфу Владикавказа. Из Поти. Телеграмма № 198.

17 мая 1864 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ

Владикавказ. Командующему войсками. Великий князь согласен на предложение К. Желая успеха. Чем дальше, тем лучше.

Карцов».

ГЛАВА III

МИРНАЯ ВЕСНА

Наша цель – свобода, ради нее
мы готовы на все.

Сенека

Весна...

Радуется земля, облачаясь в весенние, яркие наряды, тянется земля, чтобы грудью своей припасть к теплому солнцу, впитать в себя его живительные лучи. Тысячи звонкоголосых ручейков, слившись в мощный хор, без усталости поют ей свою здравицу, свой благодарственный гимн. И птицы славят весну. Едва заметное в прозрачной синеве неба, в зеленой дымке распускающихся деревьев, кустов и трав разноголосое пенье их доносится отовсюду.

Весна...

Прислушайся, как гудит земля, как шуршат в ее глубине корни деревьев. Посмотри, как старая яблоня в саду пытается выпрямиться, вдыхая теплый, напоенный весенним ароматом воздух крохотными почками, как несутся с гор потоки бурных рек. В них полнота жизни, размах и удасть после зимнего сна, полудремы. Но одновременно есть и что-то зловещее, угрожающее и непредсказуемое в их стремительном порыве, в их необузданной ярости, хотя люди, привыкшие ежегодно в эту пору видеть их такими, верят и знают, что, как только растают в горах снега, реки утихнут, утолив талой водой земную жажду. Вот и Аксай пока мчит, вздыбив над собой белопенные крылья, несет в своих мутных водах вывороченные с корнями деревья, ворочает огромные камни и злобно рычит, недовольный тем, что с обеих сторон высокие и крутые берега.

Да, природа разыгралась и одновременно засветилась всеми своими красками. И так происходит весной из века в век, из года в год. Что природе до человека, до его забот, радос-

тей, горестей, бед и несчастий! У природы и у весны, в частности, свои законы, а если люди разучились радоваться их проявлениям, то они сами в том повинны, заслонив их от себя спорами, враждой, пролитой кровью, словно не хватает места под бескрайним небом, под по-матерински ласковыми лучами солнца. Люди сами для себя развязали войну, которая длится уже тысячелетия, то затихая на время, то вспыхивая с новой силой. Впрочем... Вот уже вторую весну не грохочут пушки и не трещат ружья. Но стала ли жизнь от того иной, более спокойной и радостной? Нет, не стала.

Война... Сколько принесла она несчастья. Нет сегодня в ауле крыши, под которой не ночевало бы горе. На месте сгоревших домов еще не успели отстроить новые; обугленные стволы деревьев никогда не обрастут зеленью, а молодые саженцы только-только успели пустить корни. Аул сегодня напоминает лес, над которым пронесся страшный огненный смерч. Смерч войны.

Али смутно помнит те времена, когда Гати-Юрт утопал в зелени, когда в каждом окне горел свет и веселые звуки дечиг-пондара¹ звучали на улицах до глубокой ночи. А сейчас только от грустных песен о войне щемит души людей ее переживших.

Пять лет прошло с тех пор, как пленили великого Шамиля, три года – как казнили храброго беноевского Бойсангура. Царские слуги взяли Атаби Атаева и Умму Дуева. Сегодня неизвестно, где они и живы ли. Ведь расстрелял же прошлой зимой генерал Туманов в Шали вообще ни в чем не повинных людей. И тем не менее в Чечню пришла вторая весна относительного покоя и мира. Но и эта весна не принесла краю счастья.

«Что поделаешь, значит, Аллаху так угодно. Время унесло с собою отцов, братьев и сестер. А что оставило нам взамен? Ничего. Только горем заполненные сердца». Такие вот думы одолевают Али. И не чувствует он, как теплые лучи солнца ласкают его тело, не слышит птичьего гомона и охрипшего голоса жены, погоняющей быков, и не замечает, что валится она уже от усталости. Идет он за деревянной сохой и смот-

¹ Дечиг-пондар – чеченский трехструнный музыкальный инструмент.

рит неподвижными глазами, как железный сошник со скрежетом врезается в твердую землю.

Айза то и дело поглядывает на мужа. Она-то ладно, а вот быки от длительного напряжения уже еле-еле передвигают ноги. Но не осмеливается она сказать о том мужу, прервать ход его мыслей.

– Да проклянут тебя потомки, русский царь! Стране твоей, говоря, края нет, а богатства и сосчитать невозможно. Так для чего тебе понадобились бедные горы и мы сами? Что мы сделали тебе плохого? – думал Али, не замечая, что произносит это вслух.

– О чем ты? – удивленно спросила жена.

Али не ответил.

– Харшчу, харшчу!¹ – крикнул он. – Осторожнее, жена! Не очень-то погоняй Чориного быка, видишь, как бока у него ввалились.

– Может, отдохнем немного? – с надеждой в голосе спросила жена.

– Еще круг сделаем и передохнем.

Айза бросила быстрый взгляд туда, где под тенью ветвей дикой груши спали дети, и прикрикнула на быков. Когда крик не подействовал, взмахнула хворостиной и ударила по спинам одного и другого.

Несмотря на раннюю весну, солнце палило нещадно. Али торопился. Еще несколько таких жарких дней, и земля совсем высохнет. Пока не ушла влага, нужно успеть засеять все поле.

Поднимаясь на вершину, Али каждый раз посматривал вниз, и лицо его при этом хмурилось, а на лоб набегали морщины – многие участки земли оставались нетронутыми: некому было пахать.

Словно отвечая его мыслям, раздался протяжный напев Чоры, чей участок находился по соседству, по другую сторону невысокого холма:

Тонкий стан, стянутый ремнем,
Повязать кушаком велит царское войско!
Тело, одетое в черкеску синего сукна,

¹ Харчу – в борозду.

Нарядить в долгополое платье велит царское войско!
Голову, покрытую круглой папахой,
Накрыть картузом велит царское войско!
Богатырское оружие, завещанное нашими дедами,
Без боя на тоненький прутик сменить велит
Царское войско!
О ты под ногами, черная земля!
Сделавшись пушечным порохом,
Взорви царское войско!
Ты над головою, синее небо!
Превратившись в пушечный снаряд.
Разнеси царское войско...

Любимая песня Чоры. И люди, занимаясь своими делами, внимали грустной мелодии. Дойдя до вершины, Али остановился. Пахари распрягали быков. Готовились к обеду. Одни уже совершали полуденный намаз, другие только готовились.

– Айза, – обратился Али к жене, – я распрягу быков, а ты бы нарвала черемши. Хорошо бы, конечно, крапивы, но соли у нас, кажется, маловато?

– Подорожала, как золото. За герку¹ соли Хорта просит гирду² кукурузы.

– Чтобы она ему кремнем поперек горла встала, – зло проговорил Али. – Люди голодают, а он последнее зернышко отбирает у них. Торгаш паршивый. Сходи все же нарви крапивы, я детей посмотрю.

Освободив быков, Али не спеша направился к детям, которые спали крепким сном: Усман – в люльке, а Умар – в качели под деревом. Али согнал муху с лица старшего сына, бережно укрыл его черкеской, склонился над младшим, Усманом. Ребенок во сне улыбался. Лицо его сияло, щеки порозовели, наверное, что-то хорошее виделось ему во сне. «Что тебя ждет? Будешь ли ты счастлив? Аллах, помоги ему...» Захватив глиняный кувшин, Али направился к роднику. Сполоснул холодной водой ноги, лицо, руки, помолится и вернется с полным кувшином родниковой воды. Айза уже хлопотала над обедом. Она выбрала удобное место, расстелила платок для еды.

¹ Герка – чеченская мера веса, равная 400 г.

² Гирда – чеченская мера веса, равная 12 кг.

– Усман, наверное, видит во сне тебя, видишь, как улыбается, – сказала Айза.

Али бросил кошму на землю и прилег.

– Мне даже во сне не пришлось увидеть отца. В тот день, когда я родился, его привезли мертвого.

– Не нужно, не вспоминай, – тихо попросила Айза, не глядя на мужа. – Садись и поешь. – Пододвинула к нему миску с натертой сочной крапивой.

Али заметил, что почти всю еду она поставила ближе к нему, оставив себе совсем немного.

– Недосолила я, пожадничала, соли-то на вечер приберегла.

– Ты сама больше ешь, тебе ведь кормить ребенка.

Али к еде не притрагивался.

– Надо позвать Чору, – сказал он.

– Знаю, только что мы им сейчас подадим? Вот вечером сварю галнаш¹, тогда и позовем.

– Неудобно без них.

Чора и его жена Ковсар продолжали работу. Чора неторопливо шагал по пахоте, чуть позади держалась жена. Чора втыкал кол в мягкую землю – и лунка готова. Ковсар бросала в нее кукурузное зерно и заравнивала землю ногой. Вот так и ходили они один за другим с утра до позднего вечера. Работа сама по себе, может, и не очень трудная, но кропотливая.

Обед у Али был без разносолов. Но ему казалось, что нет ничего вкуснее твердого чурека и сочной крапивы, особенно, если запиваешь их ледяной родниковой водой. Впрочем, таким обедом мог похвастаться каждый, кто был сегодня в поле. Иного обеда никто не мог себе позволить. За исключением разве что Шахби и Хорты, да еще нового старосты Исы. Шахби и Хорта – купцы. Они сами не пашут, нанимают для этого работников, а вот их-то тоже держат полуголодными.

Поев, Али прилег отдохнуть, Айза помолилась и тоже собралась было присесть, но тут проснулись дети и она подошла к ним.

«Несчастливая доля женщины, – думал Али, наблюдая, как жена возится с детьми, – ни днем, ни ночью нет ей покоя».

¹ Г а л н а ш – галушки.

Умару Айза дала кусок чурека, маленького Усмана стала кормить грудью. Оба успокоились. Усман, обхватив крохотными ручонками белую как снег, с синими, чуть заметными прожилками полную грудь, давился, торопливо глотая материнское молоко. Айза молча глядела на сына и не чувствовала, как капельки пота бегут по ее обветренному лицу. Толстая черная коса, достающая почти до пят, струилась у ее ног, большие темные глаза счастливо улыбались. Впрочем, они улыбались даже и тогда, когда Айза грустила.

«Хорошая жена у меня, — думал Али, — стройная, красивая, работающая. Рядом с ней забываешь о горестях и бедность не так ощущаешь. Сыновья растут. Бык, хотя и один, но в хозяйстве имеется. Здоровье Аллах дал. Чего еще нужно? Хватит. Благодарю тебя, Аллах. Но Арзу... Арзу до сих пор одинок».

— По дороге сюда я встретила Эсет, — донесся до него голос жены.

— Что за Эсет? — спросил Али, удивленный, что она почти угадала его мысли.

— Будто не знаешь. В Гати-Юрте одна Эсет. Другой нет.

— Ты говоришь о жене Гати?

— Шли, говорили о том, о сем, и между прочим вспомнили брата.

— Ей-то какое дело до Арзу?

— Они до сих пор любят друг друга.

— Эсет замужем. Арзу не имеет права ее любить. Каждый человек обязан уважать себя.

— Не надо так...

— Стыд-то какой!

— Легко тебе рассуждать. Ты женился на той, которую любил. Они пожениться не смогли. Разве тебе не жаль их?

— Значит, не суждено было. Да и чем им теперь поможешь?

Усман незаметно уснул. Айза накрыла колыбель своей старой шалью и присела около мужа.

— Она готова на все, и если он...

Да, Али знал, что его старшему брату давно пора обзавестись семьей. Когда б не война... И не потому дожил он до тридцати пяти лет холостяком, что девушки не любили его или он не мог найти себе достойную. Нет. Арзу и Эсет любили друг друга. Люди советовали ему жениться, но Арзу стоял на своем: только после войны. Война ему мешала. Боялся оставить Эсет вдовой. Тем более, что в последние дни войны погиб отец Эсет — Билал...

— Думаю, что Арзу так никогда и не женится.

— Почему? Разве ему не нужна жена?

— Чора мне рассказывал как-то, что Арзу доволен тем, что у меня есть сыновья, которые продолжают наш род. Ему же семья станет лишь помехой. Он дал клятву...

— Клятву? — Айза подняла на мужа испуганные глаза.

— Да. Всю жизнь бороться за свободу народа.

— Аллах, опять война! — воскликнула она со слезами в голосе. — Хоть бы о детях подумали!

— Мы и думаем о них. — Он вдруг разозлился. — И не твое это дело! Лучше приляг, отдохни. — Али отвернулся и вскоре задремал.

* * *

Али решил вернуться домой пораньше.

— Завтра к обеду закончим, — сказал он жене. — Собирайся.

В голосе мужа Айза почувствовала нотки беспокойства и, зная его натуру, внутренним чутьем уловила, что оно вызвано заботой о ней. Айза не умела притворяться, а тем более скрывать свою радость.

— Я не очень устала.

— Нет, пойдём. Возможно, Арзу уже приехал.

Али редко отпускал старшего брата одного, старался всегда быть с ним. Но сегодня Арзу уехал в Шали с Маккалом, и Али беспокоился: власти недолюбливают Арзу, а в некоторых аулах на него косятся богачи. Нет, он обязан быть рядом с братом, кто знает, где может подстеречь его беда.

Как и предчувствовал Али, Арзу дома не оказалось. Тревога все сильнее овладевала им. Он несколько раз обошел двор, осмотрел огород, заглянул в сарай, снова вернулся в дом. Айза, занятая приготовлением ужина, не обращала на него внимания, и он, не найдя, к чему бы приложить руки, решил навестить Чору.

— Пожалуй, схожу к Чоре, приглашу его на ужин, — сказал Али, обернувшись с порога.

— Возвращайся скорее, — предупредила Айза. — Ужин скоро будет готов.

Выйдя на улицу, Али немного успокоился. Солнце давно зашло, и его последние лучи тускло догорали на западе. С гор повеяло прохладой. Вечерний воздух наполняли привыч-

ные звуки аула. Слышал... альской говор, блеянье овец, мычанье коров, кто-то... лаяли собаки, носилась шумная ватага мальчишек.

– Продай мне свой участок, зачем он тебе? – услышал вдруг Али чей-то голос во дворе своего соседа Васала и остановился. «Да ведь это юрта¹... Зачем он здесь?» – удивился Али.

– Не могу, – ответил Васал. – Земля мне и самому нужна.

– Что ты с ней будешь делать?

– То, что все люди делают.

– Люди заботятся о ней, пашут, сеют, а твой участок весь бурьяном зарос.

– Я засею.

– Чем? – не отставал Иса. – Надеешься, Аллах поможет?

– Как-нибудь... – обреченно выговорил Васал.

– Да у тебя не то что быка, даже кошки нет, а говоришь «как-нибудь...»

– Люди помогут.

– Можно подумать, людям других забот мало.

– Нет. Не могу продать.

– Подумай, я дам за него полный мешок кукурузы.

– Пойми, дети мои должны жить. Им нельзя без своей земли. А люди не помогут, что ж... Если в прошлом году не пахал, то и в этом году тоже ничего страшного не случится.

– Тогда верни долг!

– Долг? – голос Васала прозвучал растерянно.

– Да, за тобой мешок кукурузы.

– Мы же договорились, я осенью верну...

– Я не намерен ждать. Или верни долг сейчас, или делай, как хочу я. Одно из двух.

– Ради Бога, Иса! Потерпи до осени! Чем я буду кормить детей? Они умрут с голоду!

– Может быть, ты мне прикажешь заботиться о них? Не можешь сам прокормить семью, не плоды детей, как поросят. Встревоженный Али решил зайти во двор к соседу. Заметив его, Иса поспешил удалиться.

– Ассалам алейкум! Добрый вечер, Васал!

– Ва алейкум салам! Вечер добрый и тебе, Али, – ответил Васал, протягивая искалеченную руку.

– Как чувствует себя Мархет, лучше ей?

¹ Юрта – аульский старшина.

– Все так же, – Васал тяжело вздохнул. – Чувствовалось, разговор со старшиной выбил его из колеи. – Ты рано вернулся сегодня. Закончил пахать?

– Завтра к обеду, думаю, управлюсь.

– Почему так долго? Твой участок и за день можно вспахать.

– На такой паре не разгонишься.

– Чей второй бык?

– Чорбы.

Васал помолчал немного.

– Не знаю, Али, как мне быть. Замучил меня Иса. Все уговаривает, чтобы продал я ему свой участок. Упрекает, что уже который год не пашу землю. Правду говорит, а ни к Хорте, ни к Шахби не могу обратиться. Они словно сговорились с Исой сжить меня с земли.

– Не горюй, Васал, – Али похлопал соседа по плечу, – успокойся. С твоим участком что-нибудь придумаем. Бог поможет, да и люди не оставят в беде.

– Мархет о тебе спрашивала, – беспомощно проговорил Васал. Ему стало стыдно за минутную слабость. Но что делать, бедность угнетала, приводила в отчаяние. – Зайди к ней, а я постою на воздухе, – сказал он, видя, что Али нерешительно топчется у дверей.

В передней было темно. Али толкнул другую дверь и неслышно переступил порог.

В доме было сумрачно; единственное окно, от времени перекосившееся на бок, еле пропускало отблески вечера. Али не однажды бывал у соседа, но только сейчас по-настоящему ощутил всю бедность, всю убогость этого дома. Здесь не было ничего, что могло бы порадовать глаз.

«Аллах, чем они провинились перед тобой? – невольно подумал он. – Помоги им».

– Кто там? – послышался слабый голос.

– Это я, – ответил Али, осторожно продвигаясь ближе к окну, у которого на глиняных нарах лежала Мархет.

– Али...

– Как себя чувствуешь? Тебе не лучше? – Али опустился на скамейку у изголовья больной.

На мертвенно-бледном лице Мархет мелькнуло что-то похожее на улыбку.

– Нет, Али, не жить мне больше на этом свете. Только вот смерть моя задержалась где-то в пути. Зову ее, а она не приходит. Я же знаю, как тягостно со мной, всем уже стала обузой.

– Не говори так, Мархет! Ты еще поправишься. Бог всемогущ, он поможет.

– Бог поможет, если скорее призовет к себе... Расскажи, как у тебя-то дела?

– Думал, сегодня закончу пахать, да не успел. Несчастные мы люди. Бьешься-бьешься на своем клочке, ухаживаешь за ним, как мать за младенцем, а из нищеты никак выбраться не можешь.

– Прости меня, Али. Я спросила потому, что ты долго не заходил. Как Айза, дети?

– Слава Богу, пока все хорошо.

– Да поможет вам Бог! А мы, видать, и в этом году не сумеем засеять свой участок. Я не о себе беспокоюсь. Мне уже ничего не надо... Мне... детей жаль...

– Минувший год был трудным для всех, – успокоил Али. – Как освобожусь, вспашу и ваш участок.

В противоположном углу, где спали дети, начался плач. Все громче и громче... Тринадцатилетняя старшая Хоза изо всех сил старалась успокоить младших братишек. Но на голодных детей слова не действовали. Наконец, она что-то сунула им в руки. Маленькие затихли, потом спрыгнули с нар и, шлепая босыми ногами по глиняному полу, выбежали на улицу.

– Мархет, чего бы ты хотела поесть? – спросил Али.

– Я грушу сегодня ела...

– Нет, ты не стесняйся, ты скажи, чего бы хотела, мы достанем...

– Спасибо, Али. Мне ничего не нужно. Хоза, – чуть громче обратилась она к дочери. – Пойди-ка, присмотри за детьми...

Когда за дочерью захлопнулась дверь, Мархет тяжело вздохнула, закрыла глаза, и бескровные губы ее задрожали.

Али молчал. Ждал, что скажет Мархет.

Каждое слово ей давалось с трудом.

– Али, мы живем по соседству не один год и не один год знаем друг друга. Ты знаешь, я сирота. В час моей смерти мать не сядет у моего изголовья, не заплачет родная сестра, не устроят тезет¹ братья. А конец близок. Мне недолго осталось жить. Тебя и Арзу я всегда считала своими родными и в последние дни страшилась умереть, не повидав вас.

– Не наговаривай. Не все больные умирают. И ты еще поживешь.

Мархет качнула головой.

– Не надо пустых слов. Что со мной будет, я знаю. И у меня просьба к тебе и Арзу. О бедности нашей говорить не буду, но я сохранила кое-что от отца и матери. Это золотые серьги и кольцо. Думала оставить их дочери, но не судьба. Так вот, пусть они пойдут мне на похороны. И если Маккал не побрезгует нашим домом, то пусть семь ночей подряд читает по мне Коран. А вы с Арзу сразу не уходите, подождите, пока не кончится тезет. И еще просьба... Как и раньше... будьте добры к Васалу. Он такой беспомощный. И одинокий. Ведь из-за нас он разлучился со всем, что ему дорого. И с родиной тоже. Вот и все, Али. Это я и хотела тебе сказать.

Стараясь не выдать своего волнения, Али ответил:

– Да пошлет Бог тебе здоровья, Мархет. Ради твоих детей. Их у тебя шестеро... Но коли судьба... Все сделаем... И за Васала не беспокойся. Он наш брат. Мы его не оставим.

– Спасибо, Али. Теперь иди. Я и так тебя задержала.

Когда Али вернулся, ужин был готов, но Айза не притрагивалась к еде, ждала его. Пряный запах чеснока щекотал ноздри. Умар бросился навстречу отцу, потом опять забегал вокруг котла, держа в руках маленькую деревянную вилку, которую отец вырезал специально для него.

– Отложи несколько галушек детям, а остальное отнеси семье Васала.

Айза удивленно взглянула на мужа.

– Иди. Дети у него голодные.

Айза подняла котел и, не говоря ни слова, вышла. Но вскоре вернулась с красными от слез глазами.

¹ Тезет – поминки, место, куда приходят родственники и знакомые умершего для выражения соболезнования.

ГЛАВА IV

НОВЫЕ ХОЗЯЕВА АУЛА

Да, наконец, кто такие здесь участковые приставы? Это те же становые, только с более широкой властью и с большей фанаберией, с большим нахальством и с большим невежеством. Умственное развитие их крайне ничтожно, нравственных понятий не имеют никаких. Неудивительно, что они назначают старшинами просто отребье горских обществ.

Я. Абрамов

В аулах редко кто засиживается допоздна. Чуть стемнеет, и гаснут одно за другим крохотные окна глинобитных лачуг. Люди укладываются на ночь, и кто-то засыпает сразу, с тайной надеждой на будущее, другие беспокойно и долго мучаются бессонницей на жесткой постели. Но и тех и других все одолевают одинаково тяжелые думы: как выжить, как не умереть голодной смертью. Ибо каждое новое утро не сулит им ничего хорошего, кроме новых тревог.

А вот из окон дома сельского старшины Исы льется яркий свет. Всего несколько человек в ауле имеют такие вот дома, крытые черепицей и с застекленными окнами. Ими владеют Шахби, Хорта, Товсолт и старшина Иса.

Сегодня у старшины гостят упитанный коротышка Шахби и сухой, длинный, как жердь, кади Товсолт. Все трое чинно восседают на глиняных нарах, застланных пестрым войлоком. Посредине стоит деревянный поднос с остывшими кусками баранины. Гости, кажется, уже и наелись досыта, а все бросают жадные взгляды на горку чепалгаш¹ в масле.

¹ Чепалгаш – чеченское национальное блюдо, лепешки наподобие блинов, начиненные творогом.

Где бы ни появлялся мулла Шахби, он всегда имел привычку рассказывать легенды из жайнов¹, касающихся жизни святых. В глазах верующих мулла Шахби и сам стал чуть ли не святым, ведь он самый набожный и, пожалуй, самый ученый человек не только в Гати-Юрте, но и во всей долине Аксяя. Но среди своих единомышленников, в их узком кругу, например как сегодня, о Боге он вспоминает лишь дважды: до и после трапезы. И сейчас, глотая ароматный калмыцкий чай, заправленный маслом и молоком, он рассказывает сотрапезникам не о святых, а о своих юношеских приключениях с девушками.

– Наш мулла имел двух жен, – Шахби провел тыльной стороной ладони по жирным губам. – О первой не стоит говорить, а вот вторая... Вторая была – огонь! Ясно, конечно, какие радости можно ждать от старого козла, потому молодуха и позволяла себе разные вольности с мужчинами. В бойкости и в остроте языка мне нельзя было отказать, да и лицом и фигурой я выделялся среди своих товарищей и часто посещал дом муллы. Вел себя с молодухой непринужденно, разные там шутки-прибаутки, но рукою до нее не дотрагивался. Боялся, а вдруг прознают – позора не оберешься, а еще того хуже – убьют. Но вот однажды пришел я в дом муллы, когда хозяин отсутствовал, о чем меня заранее известила его молодуха. Прихватил с собой жайны, на случай, если мулла вдруг вернется.

– Хитрец, чисто волк, и все тут, – засмеялся Товсолт. – Ведь и правда, мулла ничего не заподозрит: пришел человек со святыней под мышкой, ну и что? Ладно, рассказывай дальше!

– Так вот, молодуха дома одна. «Что у тебя под мышкой?» – спрашивает. «Это то, – отвечаю, – чем старые муллы обманывают народ, а молодые обманывают женщин».

В тот день она вела себя особенно вольно. Все хохотала, строила глазки. Потом уселась на край кровати, хлопнула себя по бедрам и говорит мне: «Иди сюда, милый, садись ко мне на колени».

– Так и сказала? – разинул рот Товсолт. – А ты что сделал?

– А что мне оставалось? До сих пор вспоминаю мягкую нежность ее крутых бедер. Только когда сядил, руки я засунул в карманы бешмета...

¹ Ж а й н – богословская книга.

Дверь приоткрылась, вошла хозяйка дома Рабихат. Шахби, увидев ее, вытаращил глаза, будто подавился костью.

– Еще принести еды? – спросила она.

Товсолт замахал руками.

– Не нужно ничего. Иди, не мешай!

Женщина по веселым лицам догадалась, что разговор идет не о небесных, а о земных радостях, молча покачала головой и прикрыла за собой дверь.

– Ну, продолжай, продолжай, Шахби, – попросил Иса, сгорая от нетерпения. – Что дальше-то было?

– Разве трудно догадаться? Так она крепко обняла меня, что дух захватило. И долго она ласкала меня да целовала, как ребенка. А я не мешал ей и не противился.

Товсолт хихикал, дергая себя за жидкие усы.

– Однако только не понял, Шахби, почему ты, сев к ней на колени, засунул руки в карманы?

Шахби, не торопясь, словно он делал что-то очень важное и ответственное, вытер полый бешмета мокрые от пота лоб и шею, сделал несколько глотков чая и только после этого промолвил:

– Все очень просто, Товсолт. Если кто из вас попадет в аналогичную ситуацию, не забудьте своего друга Шахби. Он плохие уроки не дает. Ведь ничего предосудительного в моем поведении не было. Собери, хоть тогда, хоть и сейчас, в одну кучу даже девять Коранов, я все равно могу поклясться на них, что руками-то до нее я не дотрагивался. Руками... Они же были в карманах... Ну, а чем другим... Об этом не спрашивали.

– Остопиралла!¹ – одновременно вырвалось у обоих слушателей. – Какую же голову надо иметь, чтоб такое придумать!

– Ох, и плуты же вы все, – заливался смехом Иса. – А с тобой что-нибудь подобное приключилось, Товсолт?

– Куда мне до Шахби!

– Верно, такая жердь, как ты, женщинам не нужна. Им нужен такой бугай, как я!

– Ва-ха-ха-ха! Жердь! Метко сказано! – держась за живот, продолжал закатываться Иса.

¹ Остопиралла! – покаяние перед Аллахом. Дословно: «Прости, Аллах» (арабск.). Чеченцы используют это слово и как возглас крайнего удивления.

Слова Шахби задели Товсолта за живое.

– Говорят, что плохая порода берет свое начало от жирного жеребца и худой кобылы. Ведь узнай кто о твоих делишках, ты, может, и выхода не нашел бы. А когда со мной приключилось нечто, я вышел чистеньким...

– Ладно, ладно. Тебя-то мы тоже хорошо знаем!

– Ради всего святого, расскажи нам, Товсолт, о своем приключении.

– Рассказывать особо нечего. Просто пришли мне грех с одной женщиной...

– Ты что, сказки собираешься рассказывать? – засомневался Иса.

– На это он мастер, – подмигнул Исе Шахби.

– Ваше дело, верить или нет. Но я говорю правду. Так вот, свою вину в грехе я отрицал, и вечером меня куда-то должны были повести на клятву. Перед этим, выпроводив жену и детей из комнаты, я втиснулся в детскую люльку. Когда выбрался из люльки, то позвал свою старушку и лег с ней на нары. И уже после этого со спокойной душой пошел на очищение. Мне протянули Коран: на, мол, поклянись, что ты до нашей женщины не дотрагивался.

– И ты поклялся?

– А что ж тут такого – конечно, поклялся. Я во весь голос заявил, что с той поры, как покинул колыбель, ни к какой женщине, кроме своей жены, не прикасался.

– Вах-вах-вах!

– Кхи-кхи-кхихк! Вот это да! Чтоб вам пусто было на том свете, шайтаны! Не бывать вам в раю! Один я из всех нас достоин быть там. А ведь тот, кто вас не знает, думает, что вы святые...

Товсолт перетрухнул не на шутку.

– Ты, дурак, смотри, не вздумай болтать.

– Да брось ты, все это когда-то было, сколько воды после этого утекло, – успокоил Товсолта Шахби. – А теперь пошутили и посмеялись.

Лицо Исы приняло обычное выражение. Пригладив обеими ладонями обожженные табаком пышные усы и повернувшись к Товсолту, он сказал:

– Ладно, шутки шутками, кенти¹, но прежде, чем разойтись, мы должны обсудить одно дело.

Оба гостя приосанились и, откинув головы, уставились на Ису, ловя каждое его слово. В недобрых глазах Исы загорелась ничем не прикрытая алчность.

– Как вам известно, я расширил свои земли и прикупил кое-какие участки. Так что почти все урочище Арчки теперь мое. Но вот что меня беспокоит. У Васала имеются в нем два надела. В прошлом году он их не вспахал, не пашет и в этом. Но продать наделы отказывается. Подскажите, как лучше забрать у него эти земли?

Гости задумались.

– Нужен какой-то повод, – тихо промолвил Шахби.

– За поводом дело не станет. Васал еще с прошлой зимы остался должен мне один гали² кукурузы.

– Какой же еще повод нужен? – Товсолт вяло махнул рукой. – Если долг он тебе не вернет, возьми да и вспаши его земли.

– А если дело дойдет до шариятского суда, сумеете выиграть дело?

– О том и речи не может быть, – коротко бросил Шахби. – Васал стал мусульманином недавно, а надел ему достался от тестя... Дело это плевое.

Товсолт согласно кивнул. Иса счел свой главный вопрос решенным.

– Теперь, второе, – произнес он немного погодя. – Вы знаете, куда поехали Арзу и Маккал?

– Я не знаю, – покачал головой Товсолт.

– Мне говорили, что подались они в сторону Мичика, а вот в какой именно аул, сказать точно не могу, – пожал плечами Шахби.

– Прошлой зимой поговаривали, что после праздника уразы они начнут войну с русскими. Месяц уразы прошел, но все спокойно и ничего не слышно. Начальник округа беспокоится, не зная точно, что держат они на уме.

– Всех основных главарей шайки арестовали, многие сами откололись и замирились, – сказал Шахби. – Так что эти двое погоды не сделают, они и подготовиться-то как следует ни к чему не успели.

¹ Кенти – от слова «кант» – мальчик, удалец.

² Гали – куль, мешок.

– Да нет. Сдается мне, они все же что-то затевают. А вот что именно? Это-то мы и обязаны разузнать.

Шахби глубоко вздохнул.

– Чего так тяжело вздыхаешь? – спросил старшина.

– Уволь меня от этого дела.

– Почему?

– Ты же знаешь, они на Коране поклялись не щадить предателей и доносчиков. А мне, хоть я уже и стар, но жить еще не надоело.

Товсолт тоже согласился с Шахби.

Иса вспыхнул было, но сдержался.

– Пусть волк и медведь дерутся, а кувшин с маслом достанется нам, – процедил он сквозь зубы. – Нет, так не бывает.

Шахби держался со старшиной более уверенно. Он не боялся его, как Товсолт.

– Есть золотые слова: «не видел», «не знаю». Следуй такому принципу. До сей поры он был твоим ангелом-хранителем. Будет и теперь, коли ты совсем не потерял голову. Народ озлоблен и церемониться с тобой не станет.

– Хорошо. Так я и передам начальнику округа. Он вас назначал, перед ним вам и ответ держать. Но когда мулла и кади отказываются помогать устанавливать порядок в ауле, то их, как правило, заменяют другими.

Гости приуныли. Каждый из них был третьим лишним. И этот третий-то и мешал договориться.

Возражать хозяину стало опасно, гости умолкли. Такое время, что родному брату не доверишься, а уж Исе и подавно. Ему все равно кто – отец, брат или кровное дитя. Любого пошлет на виселицу. Но те еще страшнее Исы и его покровителей. Лучше, конечно, когда можно и нашим, и вашим. Угождая тем и другим, легче собственную шкуру сохранить... Только надо же при свидетеле задавать такие вопросы...

Гости растерялись и молчали. Выручил их громкий лай собаки, неожиданно раздавшийся во дворе. Иса поднялся и вскоре вернулся с Хортой, который, еще не переступив порог комнаты, с досадой сказал:

– Никак твоя собака не хочет привыкнуть ко мне. Не выйди ты вовремя, она, наверняка, растерзала бы меня. Ого, да у тебя гости? Ассалам алейкум!

– Ва алейкум салам!

Шахби и Товсолт слегка приподнялись. На Хорте были атласные шаровары и бешмет. Он уселся рядом, скрестив ноги, снял папаху, обнажил лысую голову.

– Как у вас, все благополучно? – обратился он к Шахби и Товсолту.

– Алхамдулилла, Аллах милостив. Ты когда вернулся?

– Только что. И прямо к Исе.

– Правильно сделал. Мы не помешаем?

– Нет-нет, хорошо, что я вас всех вместе застал.

– Расскажи, что произошло в Брагунах?

Иса налил в чашку чая, одобрил его молоком и маслом и протянул Хорте. Тот, выпятив толстые губы, подул на чай и шумно, со свистом, сделал большой глоток.

– Ничего похожего на то, что мы слышали. Обыкновенное происшествие. Муталимы¹ из медресе муллы Мидальша возвращались из окрестных аулов, куда они ходили собирать подаяние. На мосту между Гудермесом и Брагунами им повстречались двое казаков, идущих с рыбалки. Среди муталимов был всего один взрослый, остальные – дети. Казаки остановились и подняли муталимов, одетых в нищенскую одежду, на смех. Потом один из казаков взял да и подставил ногу муталиму. Тот растянулся на мосту. Старший муталим подбежал к обидчику, схватил его за ворот. Казак, недолго думая, заехал ему кулаком в ухо. Муталим ответил тем же. Второй казак вытащил кол из ближайшего плетня и сзади ударил муталима по голове. Бедняга упал на колени, из раны полилась кровь. Разъяренный муталим выхватил кинжал и ранил одного казака в руку, другого в ногу. Те стали звать на помощь. В станице поднялась суматоха. Послышались крики: «Наших режут!» Прибежали к мосту кто с чем: с вилами, с топорами, с ружьями. Муталимы в испуге разбежались. Казаки бросились за ними, поймали и нещадно избивали. А потом привезли избитых в станичное правление. Старший муталим умер. У многих его товарищей переломаны ребра. С теми двумя казаками ничего страшного не случилось. Их раны были не опасными, оба поправляются.

Подобные стычки часто происходили в Грозном, куда на местный рынок съезжаются со своим товаром горцы из ок-

¹ М у т а л и м – ученик духовной школы-медресе.

рестных аулов, что не по душе казакам из соседних станиц и местным торговцам. Их недовольство усугубляется еще и давней враждой между русскими и чеченцами. Ни один базар не проходит без столкновений. Недавно Шахби сам был свидетелем такой стычки, которая завершилась громадным побоищем. Как обычно, началось с пустяка. Один чеченец обменял свои дрова на арбузы, часть которых лежала на телеге, другая — возле нее. Чеченец стал грузить все арбузы, полагая, что они все его. Хозяин арбузов ударил его кулаком в лицо. Стоявший рядом другой чеченец — товарищ или знакомый обиженного горца — в свою очередь ударил горожанина. К месту драки бросились и чеченцы, и русские. Началась общая свалка. И только энергичное вмешательство полиции и чеченца, полковника Чермоева, уладило дерущихся, предотвратив кровавые жертвы.

— Да накажет Аллах этих безбожников!

— Ваши сыновья тоже были с муталимами?

— Да.

— Они не пострадали?

— Так, слегка.

— Это тебя, Хорта, Всевышний наказывает. Я бы с большим удовольствием пожертвовал своим богатством, если бы тебе перепало столько ударов, сколько тому бедному муталиму.

Хорта скрипнул зубами и потемневшими от злости глазами уставился на Шахби. Тот спокойно полулежал, облокотившись на подушку, закинув ногу на ногу и скручивая седые кончики усов, словно собираясь продеть их в ушко иголки. На толстых губах его играла презрительная улыбка, в прищуренных глазах мерцали недобрые огоньки.

— Ты на меня не пялься, — сказал он пренебрежительно, — своих мальчиков ты не отдал ко мне в медресе, а почему-то повез их в Брагуны. Или Мидальш-Мулла умнее меня? Сколько бы ты ни крутился, я знал, что рано или поздно ты все равно придешь к порогу моего дома!

От раздражения Хорта забыл, что чай горячий, сделал глоток и тут же скривился от ожога. Через минуту он пришел в себя, разгладил крашенные хной усы и процедил:

— Если мне не изменяет память, ты все тот же Шахби?

— У тебя хорошая память, Хорта. Я не изменился и этим горжусь.

— Рано радуешься. Все равно, что раздеться, не дойдя до реки. В одном я могу тебя заверить наверняка: пороть задницы моих мальчиков тебе не придется.— Хорта с победным видом оглядел толстую фигуру муллы.— Мои дети более не переступят порога медресе. Не те сейчас времена, уважаемый. Не хочу вашими жейнами и Кораном забивать головы своим сыновьям. В народе говорят, нужно подпевать тому хозяину, на чьей арбе ты едешь. А поскольку я сижу на русской арбе, я и буду петь русскую песню.

Никто еще не догадывался, куда клонит Хорта, и потому все внимательно его слушали. А он уже ровным голосом продолжал:

— Будучи по торговым делам в Солжа-Кале ¹, я встретил приятелей, которые рассказали, что там для наших детей открыли русское медресе. Русские называют это школой. В ней учат разным наукам. На старшего, Асхаба, надежды мало. Хоть в Мекку, хоть в Петербург пошли — ученый из него не получится. Его место рядом со мной, в лавке. А вот своих младших я и отдам в школу. Что ты на это скажешь, Иса?

— Были бы у меня малолетние дети, я ни минуты не держал бы их дома. Ты правильно решил, Хорта. Пусть мальчики учатся в русской школе.

Шахби все это время шептал молитву, привычно перебирая четки короткими пальцами. При последних словах он резко выпрямился, забрал в кулак зерна четок и исподлобья, как бык, ступивший на деревянный мост, уперся горячим взглядом в переносицу Хорты. Подрагивание окладистой бороды, пышно лежащей на груди, тоже выдавало его волнение.

— Сам ты давно уже стал безбожником! — закричал он на Хорту. — Теперь ты хочешь, чтобы ими стали и твои сыновья? Какой настоящий мусульманин отдаст своего ребенка в руки гяуров?

— Шахби, едко бросил Хорта, — я у тебя совета не просил. Сиди и помалкивай.

— Если не просил, то только по собственной глупости. Я отвечаю перед Аллахом за чистоту веры и шариата в нашем ауле. Кто тебя обмоет и похоронит, как не я?

— Глупец! Ты и меня решил пережить? — засмеялся Хорта. — Да ты за два аршина сукна и головку сахара обмоешь и похоронишь свинью!

¹ Солжа-Кале — чеченское название г. Грозного.

Видя, что разговор принимает столь серьезный оборот, вмешался Товсолт:

– Шутка шуткой, Хорта, – сказал он примирительно, – но Шахби с одной стороны прав. Недаром говорят: паршивая овца все стадо портит. Шахби опасается, как бы твоего сына не испортили на стороне. И тогда он, действительно, может стать гяуром, забыть веру, забыть наши обычаи. Ты на Шахби не обижайся, он не хочет тебе зла.

– Вот именно. А потому и говорю: русские – наши враги. Никогда не было мира между мусульманином и христианином. И не будет. Как можно доверять воспитание детей нашим злейшим врагам? Убийцам наших отцов, сестер, братьев, душителям ислама!

Наконец хозяин дома счел необходимым сказать свое слово:

– Ты не прав, Шахби, – он слегка дотронулся рукой до его плеча. – Вникни в слова Хорты, и тогда ты многое поймешь. В свое время я перешел на сторону русских и помог им смирить свой народ. Почему я так поступил? Из любви к русским? Нет. Я их и тогда ненавидел, а сейчас еще более. Но их – тьма, и они – сила. Нам их никогда не одолеть, а значит, с нашего горба они никогда не слезут. Как только они двинулись в горы, я смекнул, что сила-то на их стороне, и стал им служить. Хочешь жить – пляши под нужную дудку. Тот же, кто этого не понял, тот круглый дурак. Так вот, если говорить откровенно, Шахби, то душа у тебя нечистая, гнилая. Дай Бог, чтобы когда-нибудь это не вышло тебе боком. И не говори потом, что я тебя не предупредил. Вы все для меня не только односельчане, но и родственниками мне доводиться. Представьте, что будет с вами, если завтра русские уйдут из этих мест. Наши единоверные братья съедят вас живьем, немедленно. – Иса перевел дух. – Поэтому не болтайте зря и не ссорьтесь. Ведите себя умнее; коли послушаетесь меня, то мы будем править аулом и люди будут послушны нам, как стадо. В противном случае, они запрягут нас.

– Клянусь Аллахом, не пойму, что от меня хочет Шахби? – обиделся Хорта. – Ребенок мой, и я волен поступать с ним, как хочу. Искалечу, убью – никому до того дела нет. Я один в ответе за него и перед Богом, и перед совестью, но не перед людьми. Чья власть – русская или еврейская – мне все равно. Лишь бы от нее была польза. Допустим, отдам я мальчику в медресе. Пятнадцать лет он будет зубрить Коран, изучать

жайны. И все это лишь для того, чтобы сделаться муллой в ауле! Чтобы мой сын, как нищий, ходил по дворам, собирал милостыню, обмывал покойников? Нет, этого я не допущу! Учась же в русской школе, он может стать офицером. Тогда всем нам будет опорой. Следует смотреть вперед.

– Тише, тише, Хорта! – замахал руками Иса. – А ты, Шахби, если ты такой уж прыткий, то почему ни разу не выстрелил из ружья по врагу?

– Стреляют войны. Мое дело проповедовать шариат.

– Нет, Шахби, ты просто двуличный человек. На словах пещешься о народе, а на самом деле ты его предаешь при каждом удобном случае. Говоришь, что люди умрут с голоду, но в амбарах у тебя полно хлеба, а в загонах овцам нет счета. Да тебе ли говорить о земле, о бедности? Нет, уважаемый, не будет так, чтобы все люди купались в крови, а ты один – в молоке. Ты проповедуешь шариат, вот и проповедай его. И говори людям то, что советует тебе власть. Иначе твой длинный язык загонит тебя в Сибирь, а оттуда тебя не вернут ни Аллах, ни шариат.

Шахби не стал возражать. Он счел за лучшее смолчать. Правда, внутри у него все кипело. Но и высказать все, что лежало на душе, не хватало мужества. Да, он как щенок виляет хвостом перед русскими властями, но он ненавидит этих безбожников и никогда не примирится с ними. Неверные указывают ему путь, а он не смеет сопротивляться. Да, они платят хорошо, и покорность – путь к богатству. Но вот если бы они не лезли в дела религии! Довольно и того, что произошло у Шали. Многим те события открыли глаза, многих образумили. Нет, какая бы хорошая власть ни была, но она – власть неверных. А христиане – самые непримиримые враги ислама.

Арестовали его шейха Кунту-Хаджи, убили или заточили в тюрьмах лучших векилей¹ устаза. Нет, не будет он другом неверных и тех, кто с ними заодно. Огонь ненависти жжет ему грудь. Это все, что ему осталось, на что-то большее он просто не способен.

Так был испорчен весело начавшийся вечер. Они посидели еще немного, пытаясь наладить разговор, но ничего не вышло, да и на дворе стояла уже глубокая ночь. Пора было прощаться с хозяином, что гости и не замедлили сделать.

¹ В е к и л – доверенное лицо, сподвижник руководителя секты.

ГЛАВА V

ИСА – СЫН МИЦИ

А ведь сорокатысячным войском и встарь
Приходил ты к нам сардар-полуцарь.
Но чеченцы разбили войска твои в прах,
Ты все пушки оставил в чеченских лесах.

Магомед-бек Аварский

Имя Исы, сына Мици, осыпают проклятьями не только в родном ауле, но и по всей Ичкерии. Сколько крови и черных дел на его совести, сколько горя принес он людям! Не понимают гатиюртовцы, почему Аллах терпит такого человека. Он, как Даджал, что явится перед страшным судом, сеет вокруг себя только зло. Черное сердце и злобный характер Исы люди узнали давно...

В те времена и Кази–Мулла еще не был имамом, и в Чечне не было ни одного шейха. Но вот однажды вверх по Аксаю поднялся таинственный человек в сопровождении трех чеченцев. Роста человек был высокого, розовощекий и, несмотря на свои пятьдесят лет, довольно энергичный и бодрый. Никто не знал, кто он и откуда родом. Говорил он на кумыкском и, как утверждали его проводники, хорошо владел турецким. И еще они говорили, что человек этот святой, послан самим Аллахом, чтобы утвердить правоверный ислам в Чечне.

Гатиюртовцы поверили незнакомцу, приютили его. Они молча внимали его проповедям и втайне гордились тем, что такой святой человек впервые появился именно в их ауле. Да и как было не признавать его, если каждая сура¹, которую он мягким, бархатным голосом читал наизусть, говорила о святости его, что ослушников ждет кара на том и на этом свете. Он говорил, что русский царь десятки лет пытается захва-

¹ Сура – глава из Корана (арабск.).

тить наши земли, чтобы отнять у нас свободу, силой обратить нас в христианство. Тот же, кто хочет сохранить свободу, правоверный ислам, пусть станет под его знамена против войск неверного царя.

– Люди, – призывал в свою очередь Иса, – кого вы слушаете? Бродягу в широких шароварах? Нищего без роду и племени? Он обманывает вас. Гоните его прочь!

Но люди думали иначе. Десятки лет войска падишаха топтали их родную землю. В Амер–Аджи–Юрте, Таш–Кичу и совсем близко, в Герзеле, стояли солдаты с грозными пушками. Суровый генерал Ермолов сжег почти все равнинные аулы. Дым пожарищ и сейчас стелется по Сунже. Откуда ждать помощи? Темные гатикюртовцы не находили ответа. Они уповали на Аллаха, ждали, что он пошлет им спасителя. И верили, что таким спасителем и станет таинственный пришелец в широких шароварах.

Ташав–Хаджи не забыл наглой выходки вероотступника Исы, не простил его. Ночью со своими сторонниками он пробрался в урочище Ахмат–Тале и подпалил пшеничную скирду Исы. Тогда расвирепевший Иса уехал в Малую Чечню и сколотил там небольшой отряд из верных ему людей. Но к тому времени, когда он вернулся с твердым намерением покончить с Ташав–Хаджи, того уже в Гати–Юрте не было. Ташав–Хаджи заблаговременно уклонился от встречи с мстительным Исой, покинув село вместе со своими сторонниками, и обосновался на возвышенности Саясан–Корт. Угрозы сыпались то с одной, то с другой стороны, однако до решительных действий дело не доходило. Обе противостоящие друг другу партии выжидали, не решаясь первыми начать активные действия. Время работало на Ташав–Хаджи. Не прошло и двух лет, как он стал предводителем нескольких тысяч воинов, а Иса к тому времени, по существу, остался совершенно один.

В Гимрах, в бою с царскими войсками, героической смертью погиб славный сын аварского народа Кази–Мулла. Тускло промерцав на небе Дагестана, исчезла во мраке ночи и звезда имама Гамзата. Но Ташав–Хаджи ни на минуту не прекращал борьбу за свободу. Он оказывал решительное сопротивление войскам падишаха, наступавшим на Чечню.

У войны свои законы. И удар острого кинжала в грудь ненавистнику во имя правого дела не порождает кривотолков и ненужных пересудов, обычно присущих мирному времени. Этому способствуют сами обстоятельства: жестокость, и смерть не воспринимаются так остро и легко забываются под свист пуль при виде еще большей крови. Не удивительно, что именно в это смутное время Ташав-Хаджи и вспомнил о своем давнем враге. Но не таков был Иса, чтобы беспомощной овцой лечь под нож противника. Звериным нюхом учуял он, что оставаться в Гати-Юрте небезопасно, и вместе со своей семьей перебрался в крепость Таш-Кичу под защиту русских штыков.

Обладающему природным даром быстро сходитьсся с людьми Исе не стоило особых трудов войти в доверие к гарнизонному начальству. Сблизиться же с ним было просто необходимо, поскольку Иса нуждался в поддержке, а сила была на стороне русских. Иса чувствовал, что близится тот долгожданный день, когда он, наконец, сможет отомстить Ташав-Хаджи. Дагестанские общества одно за другим отходили от Шамиля, и его поддерживали лишь несколько чеченских предводителей – Ташав-Хаджи, Удди-Мулла, Домбай, Оздемир, Магомед-Гирей.

Иса прослышал, что его заклятый враг Ташав-Хаджи строит крепость в урочище Ахмат-Тале, где некогда этот бездомный бродяга сжег его пшеничную скирду. Это было открытым вызовом, которого Иса, как чеченец, стерпеть не мог. Он сам напросился в поход в горные аулы и с личного дозволения генерала Граббе был зачислен в отряд проводником.

9 мая 1839 года отряд выступил в поход. Иса хорошо знал родные места и вывел солдат точно в назначенное место. Разбив укрепившегося в Ахмат-Тале Ташав-Хаджи, отряд двинулся к Мескетам. Вскоре аул окутался дымом пожарищ. Был сожжен и родной аул Исы – Гати-Юрт. На этом бы и успокоиться, но зверь, впервые познавший вкус крови, уже жаждал большего.

С падением Ахульго, казалось бы, пришел конец Кавказской войне. Однако в 1840 году Чечня поднялась вновь, и в нее опять были направлены еще более кровавые экспедиции. Тем не менее, повстанцы одержали несколько крупных по-

бед: особенно неудачным был поход генерала Граббе в Восточную Чечню в начале июня 1842 года, во время которого он потерял 66 офицеров и 1719 солдат.

Во всех походах царских войск в Восточную Чечню их проводником неизменно оставался Иса, сын Мици.

У Исы было много родни. Два его брата проживали в Гати-Юрте, пятеро сыновей находились вместе с Исой в Таш-Кичу.

Предательство Исы стало большим позором для братьев. И они ничего так не жаждали, как смерти. Ни у одного из них не дрогнуло бы в руке ружье, но как достать Ису за стенами русской крепости? Да и в боях ни разу не представился случай свести счеты с отступником. Не видя иного выхода, братья предложили племянникам – сыновьям Исы – убить своего отца. В противном случае им будет отрезан путь в родной аул. В доме Исы поселилась вражда. На одной стороне отец, на другой – его сыновья. Уговоры на отца не действовали. На убийство родного отца ни у одного из сыновей не поднималась рука. Все пятеро вернулись в Гати-Юрт ни с чем.

При очередном набеге царских войск Иса вновь сжег Гати-Юрт. Когда отряд ушел, скрывавшиеся в лесах жители вернулись в аул. Вернее к тому, что от него осталось. Догорали останки последних лачуг. Удушливый дым стлался по земле, воздух был наполнен криками, плачем, стонами раненых и ревом обезумевшей скотины. То здесь, то там натыкались люди на трупы павших в неравном бою, женщины рвали на себе волосы, оплакивая близких.

Но аул сгорел не весь. Остались нетронутыми дома двух братьев и четырех сыновей Исы (младший, Дакаш, не был женат и не имел еще над головой собственной крыши).

Люди молча стояли, опустив головы. Им было больно и стыдно.

– Мажи, – крикнул Дакаш, обращаясь к старшему брату, – долго ли мы будем терпеть отца-предателя?

Голос его сорвался. Он застонал, словно его только что ранили.

Люди, не сказав ни единого упрека, ушли, оставив сыновей и братьев Исы одних. Но вскоре запылали и их дома. К ним поднес факел Миди, брат Исы.

– Нет, Иса, не быть по-твоему. Чтобы твои братья и сыновья смеялись, а все остальные сельчане плакали? О Аллах, помоги мне только добраться до него!

Крайне неудачная военная операция графа Воронцова в горах Чечни в 1845 году вошла в историю Кавказской войны под названиями «Сухарная экспедиция» или «Даргинский поход». Но никто не знает, что его отряд, попавший в окружение, спас от полного разгрома и позорного плена Иса, сын Мици.

В поход Воронцов тогда снарядил пять отрядов, среди которых были: Чеченский, под командованием генерала Лидерса, Дагестанский – князя Бебутова, Самурский – генерала Аргутинского-Долгорукова, Назрановский – под началом генерала Нестерова. В походе участвовали знаменитые генералы Пассек, Викторов, Клюге фон Клюгенау, Граббе, Барятинский, Фок, Белявский, Меликов, Бенкендорф, Гурко, Дондуков-Корсаков, Миллер-Закомельский, Гейдель.

Словом, горцы, даже не побывав в Петербурге, могли лицезреть чуть ли не весь цвет воинства императорского двора.

План наступления, разработанный до мельчайших деталей, был примерно таков: два отряда – Чеченский и Дагестанский, пройдя через Дагестан вверх до Анды, с юга поворачивают на Чечню, и, заняв резиденцию Шамиля, аул Дарго, и тем самым полностью довершив разгром Восточной Чечни, выступают по направлению к Шали. Одновременно с запада двигался отряд Нестерова. Кроме основных сил, отправлявшихся в горы, в крепости Грозной оставался резервный отряд генерала Фрейтага. Все отряды, завершив операцию, должны были встретиться у селения Шали.

31 мая Воронцов прибыл в Чеченский отряд, находившийся у крепости Внезапной, и вместе с ним выступил на Хуббару, откуда, соединившись с Дагестанским отрядом, двинулся в горы.

В состав отрядов входили двадцать один батальон пехоты и девять рот, четыре саперных и три стрелковых роты, десять сотен казаков и две сотни грузин, тридцать восемь орудий и четыре мортиры. Кроме того, в одном из отрядов находилась тысяча грузинских милиционеров.

Учитывая, что противник свои основные силы нацелил на Чечню, Шамиль оставил здесь ядро своего войска – чеченцев. Чеченские наибы во главе с Талгигом Шалинским долж-

ны были защищать Малую и Большую Чечню, а наибама Эльдару и Уллуби поручалась защита Ичкерии. Не доверяя андийцам, Шамиль захватил с собой шесть тысяч воинов и выехал в Дагестан навстречу Воронцову.

Сведения, поступившие из Дагестана, были тревожными. Наиб Хаджи-Мурат после первой же неудачи ушел в горы и скрылся. Шамиль, опередив Воронцова, прибыл в горы. Тут и подоспел Воронцов. Бой на горе Анчемир был коротким и закончился поражением Шамиля. Имам спешно отступил в Анды, а андийцы тем временем готовились встретить Воронцова хлебом-солью. Шамиль вызвал андийских наибов и заставил их поклясться, что они не изменят ему. Однако в тот момент, когда на поле боя показался отряд Воронцова, андийцы связали своего наиба и отказались впустить имама. Рассвирепевший Шамиль приказал отрубить трем андийцам головы и насадить их на колья. Андийцы возмутились, попросили помощи у Воронцова. Войско имама стало разбегаться. Дело довершила налетевшая конница генерала Пассека. Горцы бросились наутек. Они бежали по бездорожью, не обращая внимания на бурные реки и крутые берега. Отступая, Шамиль сжигал все андийские аулы, что лежали на его пути. С оставшимися малочисленными войсками он отступил в Дарго.

Вслед за ним к Дарго двинулся Воронцов, имевший восемь тысяч штыков, тысячу двести сабель и двадцать две пушки. Шамиль встретил Воронцова в укреплении на подступах к Дарго. Первой бросилась на штурм столичная молодежь во главе с братом императрицы, немецким принцем Гессенским. Окончательно довершили дело пехотинцы генерала Белявского, вынудившие Шамиля отступить в Дарго. Имам сжег резиденцию и скрылся в лесах.

Захватив Дарго, Воронцов успокоился. Одержать такую победу и притом с малыми потерями! Он легко сделал то, что не смогли сделать его предшественники. Но как бы граф ни тешил себя иллюзиями об окончательной победе, до нее было еще очень далеко. Об этом хорошо знал генерал Граббе, который чудом спасся два года назад, когда Шоип Центороевский разбил его наголову. Почтительно склонившись к Воронцову, генерал Граббе заметил:

— Торжество наше преждевременно, ваше сиятельство. Чечня — это большое осиное гнездо. Мы только растревожили его. Вся опасность еще впереди.

Генерал оказался прав. Хотя Воронцов и стоял в Дарго, но это уже не утешало. Шамиль без сожаления сжег свою резиденцию и, видимо, готовился к решающему сражению. А отряд Воронцова тем временем нес потери. Был смертельно ранен генерал Фок. Всего же более графа волновало отсутствие продовольствия. Обоз находился все еще в Андах с князем Бебутовым. Двигаться вперед? Опасно. Возвратиться в Анды? Это, конечно, выход. Но весенний лес стал прибежищем для воинов имама, к которым уже присоединились воины Талгика Шалинского, ученика Шоипа Центроевского, знаменитого мастера лесных боев в ночных условиях.

Положение отряда стало тяжелым. Голод давал о себе знать. Появились заболевшие дизентерией. Лес таил опасность. Ушедшие за ягодами не возвращались. Чеченские всадники группами внезапно появлялись из леса и, обстреляв лагерь, так же стремительно скрывались в чаще.

Наступило 10 июля. Пушечный выстрел, донесшийся со стороны Анд, возвестил о том, что князь Бебутов стал лагерем на хребте Речел. Но как добраться до обоза? Воронцов выслал навстречу половину своего отряда во главе с фон Клюгенау, командование авангардом было возложено на генерала Пассека.

Именно этого и ожидал противник. На отряд неожиданно налетел Талгик. Бой был жестоким. Долгие двенадцать часов обе стороны дрались с яростью обреченных. В течение всего этого времени в самой гуще боя находился Талгик. Худошавый, ловкий, в изорванной в бою черкеске, он неожиданно появлялся там, где требовалась искусная рука бойца. Он будто не знал ни страха, ни усталости. Бой закончился полным поражением фон Клюгенау. Сам генерал поздно ночью пробился в Дарго. Он стоял перед Воронцовым в изорванном мундире и докладывал о потерях: в этом бою отряд не досчитался тысячи семисот солдат и офицеров. Был убит генерал Викторов, не нашли труп Пассека, которому все предвещали большое будущее. Погибли полковники Рожневский и Кривошеин.

Оставаться на месте было равносильно смерти. Воронцов принял решение двигаться вниз по Аксаю до крепости Герзель. Этому движению он хотел внешне придать вид наступления на противника. Незадолго до того Бебутову был выслан приказ полностью снять этапные пункты в Андах и отступать к Темир-Хан-Шуру¹.

Все надежды граф Воронцов возлагал на Левый фланг Кавказской линии. Но как сообщить генералу Фрейтагу о драматическом положении отряда? Были посланы пять гонцов. Одним из них и оказался Иса, сын Мици из Гати-Юрта.

13 июля в четыре часа дня Воронцов снялся с Дарго. Чтобы облегчить движение, всем было приказано уничтожить тяжелые личные вещи. Воронцов первым подал пример, освободившись от дорогого багажа.

Молодой, с худощавым продолговатым лицом, с орлиным носом, наиб Талгик Шалинский бдительно следил за каждым шагом отряда. Поначалу он думал, что отряд двинется в сторону Майртупа, и занял позицию у аула Цонторой. Однако он ошибся. Воронцов двигался по невысокому хребту вниз. Стало ясно, что он стремится в Герзель. Тогда Талгик, опередив его, укрепился на балке Кожелк-Дук, что между Шуани и Турти-Хутором. Другие наибы – Иса Гендергеноевский и Саиб Эрсеноевский – шли по пятам отступающего отряда, причиняя ему немало беспокойства: никто не знал, откуда и когда ждать нападения.

Воины Талгика встретили отряд дружным залпом. В бою были смертельно ранены Бенкендорф, Гейдель, де Балмен, Эрстов, барон Дельвиг, полковник Бибииков, Завалийский.

Но граф Воронцов получил и радостные донесения: у противника пали видные чеченские наибы Саиб Эрсеноевский и Эльдар Веденский.

Много забот доставляли раненые. К каждым носилкам были прикреплены шесть солдат. Кроме того, изматывала и отнимала последние силы дизентерия, распространившаяся в отряде. Командующий часто появлялся в арьергарде, старался добрым словом, острой шуткой приободрить солдат. Но все было напрасно. Ни Лидере, ни Белявский не могли

¹ Темир-Хан-Шура – ныне г. Буйнакск в Дагестане.

прорвать окружение. Адъютант докладывал Воронцову об этих неудачах, сообщал, что у господ офицеров одно желание: спасти жизнь командующего и под охраной небольшого числа оставшихся здоровых людей выйти в безопасное место. Граф с возмущением отклонил такое предложение.

Выхватив из ножен кривую турецкую саблю, старый генерал бросился в сторону чеченских завалов. Солдаты все, как один, поднялись и пошли за ним. Отчаянный бросок удался. Но слишком дорогой ценой: Кожелк-Дук был буквально устлан трупами солдат. Остановились на подступах к Шовхал-Берды. До Герзеля, казалось бы, рукой подать, но путь к крепости преграждали аулы Шовхал-Берды, Мескеты, Гати-Юрт, где жили самые отчаянные воины Ичкерии. А вконец обессиленные люди уже не могли двигаться дальше. Оставалась одна надежда – Фрейтаг. Но от него по-прежнему не было никаких вестей...

Жаркий июльский день уходил в горы. Солдаты с тоской глядели на догорающий закат: удастся ли увидеть хоть еще один восход солнца? Израненные, измученные, они надеялись только на чудо. Призрачная надежда не утешала, а лишь вызывала еще большую тревогу и беспокойство.

Место, где расположился лагерь отряд, было хорошей мишенью для артиллерии противника: на отлогом берегу Аксая площадью менее квадратной версты скопилась большая масса людей. Палатка командующего стояла на самом краю берега, по соседству с нею разместились штабные палатки.

Бездеятельность отряда играла на руку горцам. Талгик, хорошо понимая это, занял позицию на противоположном берегу и из трех пушек в течение двух дней непрерывно обстреливал лагерь. Отвечать ему было нечем: кончились снаряды. Солдаты опасались собираться большими группами. Офицеры просили графа перенести палатку в более безопасное место. Граф не поднимался с походной кровати, не обращал внимания на свист неприятельских гранат и ядер, пролетавших над ним, и преспокойно читал английские газеты. У входа в палатку стоял его фамильный значок.

Наконец наступил долгожданный день, 18 июня. В полдень над Мескетами появилась ракета, послышались частые

выстрелы и пушечный грохот. Бой в Мескетах и Гати-Юрте продолжался до позднего вечера. Только на второй день к девяти часам утра Фрейтаг занял Шовхал-Берды и соединился с Воронцовым.

Так закончилась «Сухарная экспедиция» генерал-адъютанта графа Воронцова. В чеченских лесах пало четыре тысячи солдат, сто восемьдесят шесть офицеров и четыре генерала, не считая взятых в плен и пропавших без вести.

Горцы захватили всю артиллерию и обоз.

Так вот, от полного истребления отряд спас не кто иной, как Иса, сын Мици из Гати-Юрта. Из пяти горцев, посланных графом Воронцовым, лишь он один уцелел и смог добраться до Герзеля. Уроженец этих мест, он знал каждый кустик, умел прятаться, а где это невозможно было сделать, прибегал к хитрости. Большую часть пути до Герзеля он проплыл под водой реки Аксая с камышинкой в зубах.

Хотя «Даргинский поход» и завершился позорным поражением, император Николай I наградил графа Воронцова титулом сиятельного князя и сделал его шефом Куринского полка, а Иса за свою верную службу получил медаль.

* * *

Набеги царских войск на чеченские аулы не прекращались. Непосредственное участие в них принимал и Иса, сын Мици. Он с похвальным усердием нес службу, невидимо, не зря в народе говорили, что по его просьбе и настоянию царские генералы предпринимали набеги на аулы горцев. Молва есть молва, она могла быть и неправдой. Но одно было точно известно, что когда набеги совершались на аулы, лежащие по берегам Аксая и Яман-Су, Иса неизменно оказывался в первых рядах нападавших. Уверовал ли он в то, что он никогда не вернется к своему народу, или по другой, не известной никому причине, но он безжалостно мстил чеченским аулам. В каждом бою Иса видел своих братьев и сыновей. Одного из сыновей он любил особенно преданно и слепо, как зверь своего детеныша, — младшего Дакаша. Он любовался им издали, и каждый раз, наблюдая, как его любимец безрассудно рвется в бой, высоко подняв саблю над головой и припав к гриве коня, он хотел крикнуть: «Остановись, ведь убьют же тебя!»

Но крик, так и не вырвавшись, комом застревал в горле, и он тихо молился за всадника на белом коне. Стройный, широкоплечий, с голубыми ясными глазами, всегда веселый, никогда не унывающий Дакаш был гордостью отца. Об остальных Иса не думал. Убьют ли их, нет ли – его нисколько не тревожило. Судьба их была для него судьбой чужих людей: ни любви, ни жалости в душе он не ощущал...

В Гати-Юрте играли свадьбу. Иса об этом знал. Знал и то, что женился его любимый сын Дакаш. Заранее наметив этот день для набега, Иса с отрядом выступил из крепости Внезапной и прошел вверх по Ауховской балке, что между Аксаем и Яман-Су. Миновал Мини-Тугай, отряд поднялся на хребет. Отсюда, как на ладони, виднелся Гати-Юрт. Свадьба была в разгаре. Играла зурна, кто-то искусной рукой отбивал такт на бубне, хлопали в ладоши, раздавались характерные возгласы, подбадривающие танцоров, палили в воздух из ружей. Иса молча наблюдал за свадьбой. Не пройдет и часа, как она прекратится, а люди сядут на коней и переедут Аксай. Но Иса был спокоен. Среди них не будет Дакаша, ведь он еще не имеет права показываться на глаза старикам. Таков был вековой обычай, и никто его до сих пор не нарушал. А значит, и Дакаш не примет участия в сегодняшнем бою.

Но что это? Иса не поверил своим глазам. Отряд всадников спускался к Аксаю, а впереди – белый скакун. «Нет, этого не может быть. Он не нарушит обычая, даже если другие нарушают».

Но это был Дакаш. В то время, когда отряд царских войск приближался к Ауховской балке, свадьба была в разгаре. Правда, праздновали скромно: ни яств, ни вин. Ведь свадьбы, крепкие напитки, табак и веселье Шамиль людям запретил. Все обязаны были носить траур. Но люди, в любом горе верные своему веселому нраву, забывали о запретах. Вот и сегодня, отбросив все мрачное, они веселились на свадьбе молодого воина. Аул гулял, хотя все вооружены, а кони стоят на привязи. Они привыкли, что опасность может возникнуть в любую минуту. И всегда готовы к этому. Придерживая руками оружие, лихо отплясывала молодежь. Девушки, окидывая молодых джигитов жгучими взглядами, плавно ходили по кругу. В круг влетел высокий белокурый молодой человек. Широко раскинув

руки и устремив голубые глаза на девушку, он двигался легко и свободно. Одет был танцор в старый мундир Куринского полка, на ногах – сапоги с высокими голенищами. Это молодой русский солдат, недавно перешедший к чеченцам, друг Дакаша Василий Лопухов. Молодежь подбадривала его криком, но он никак не мог совладать с незнакомым танцем. Тогда, пристегнув шнур кивера, он пустился в лихой русский пляс. Девушка, танцевавшая с ним, не зная что делать, вышла из круга. Все стоящие вокруг били в ладоши.

– Хоросо!

– Кант ву, Васал!

– Хорош!

– Очшан хорош!

Старики, войдя в азарт, выхватили из-за пояса кремневые пистолеты и стреляли в воздух. С крыши, спрятавшись за кукурузными снопами, счастливыми глазами глядел на них Дакаш.

О многом думал Дакаш, наблюдая за своей свадьбой. Свадьба закончится ночью, потом мулла обвенчает его с Маликой и они, наконец, станут мужем и женой. Вдвоем с Маликой построят дом, купят пару быков, корову, будут, наверное, и дети...

Но не знал Дакаш, что его отец уже поднимался по Ауховской балке, ведя сюда отряд. Неведомо было это и девушкам, что пели на свадьбе. Через час многие из них станут сиротами и будут плакать над трупами близких.

Дозор на Ауховской балке зажег сигнальные огни. Значит, приближалась опасность.

– Кенти, все на площадь! – донесся голос с минарета мечети. – Женщины, бегите в лес!

В одно мгновение тревога охватила аул. Но все делалось быстро, без суеты и паники. Женщины знали свои обязанности, мужчины – свои. Даже детей закалила война. Они отвязывали коней и подводили к воинам. Девушки улыбались, подбадривая идущих в бой, но сердца их разрывались от горя.

Опустел двор Дакаша. Раньше всех свадьбу покинули братья Мажи, Самби, Ловда и Лулу. Вслед за ними отправились дяди Миди и Муса. Все ушли. Один Дакаш да женщины остались.

Дакаш уже не прятался, а в полный рост стоял на крыше. Нет, он не сомневался, он знал, кто виновник сегодняшнего несчастья. «Хороший подарок приготовил ты своему сыну, отец, — с болью в сердце думал он. — Ах, как полюбилось тебе проливать родную кровь. Что ж, отец, ты проедешь в горы, но только через мой труп».

Дакаш легко спрыгнул с крыши, вывел из конюшни уже оседланного белого скакуна. С минуту он постоял в нерешительности, затем как человек, принявший окончательное решение, твердым шагом направился в дом, где находилась невеста в окружении четырех снох. Завидев его, они молча удалились.

Дакаш сжал горячие руки невесты в своих ладонях.

— Малика, — сказал он тихо, прямо и открыто глядя в ее лицо, — где ты хочешь видеть своего мужа в этот страшный день? Здесь, дома, около тебя, или там, где гибнут от рук врага наши люди?

А что она могла ответить, если в горле застрял готовый вырваться крик, если грудь ее сдавили боль и тревога?

— Почему ты не отвечаешь, Малика? Неужели я ошибся, выбирая себе жену? Что скажут люди? Что Дакаш был молодцом, пока не женился? Это тебе будет приятно? Или ты по-прежнему хочешь видеть меня мужчиной?

— Не говори так, мой храбрый Дакаш, — тихо зазвучал срывающийся голос Малики. — Поезжай. Разве у тех, кто сейчас там, не остались дома любимые? Я хочу, чтобы ты всегда был таким. Другого Дакаша мне не нужно.

— Ты настоящая жена воина! — воскликнул Дакаш, сжимая в объятиях невесту. — А теперь подай мне оружие!

Малика сняла со стены наборный ремень, сама стянула его на талии жениха, поправила саблю. Дакаш первый раз в жизни коснулся поцелуем своей невесты и выбежал во двор. Через секунду он был уже на коне, а у Малики, услышавшей удаляющийся топот копыт, глаза наполнились слезами...

Дакаш прискакал на площадь, где собрались все старики аула. Те, кому он не должен был показываться, почитая их старость. Один из них, Аба, самый прославленный воин, увидев подъехавшего Дакаша, одобрительно кивнул головой.

Спешившись, Дакаш подошел к аксакалам.

– Пусть Аллах почетаает ваши седины и бережет от позора. Простите меня за то, что нарушаю обычай, но сидеть дома с женщинами и детьми я не могу...

– Ты поступаешь как настоящий мужчина, Дакаш, – промолвил старый Аба. – Да и не такие нынче времена, чтобы затевать традиционные игры в скромность. – Голос старика окреп. – Кенти, трогайте. Пусть нам поможет Аллах! – и Аба плетью послал своего коня в галоп.

Белый скакун Дакаша неся, как ветер, вниз по склону Акса. Дакаш проскакал не через брод, а по узкому мостику, перекинутому через реку. Василий тоже нахлестывал своего гнедого, стараясь догнать Дакаша. Менее чем за полчаса отряд достиг Ауховской балки. Вот здесь-то отец и сын и посмотрели друг другу в лицо.

– Не сбывься твоим подлым мыслям, отец! – крикнул Дакаш, выхватывая саблю, и ринулся в гущу врагов.

...Поздним вечером тело Дакаша, укрытое черной буркой, лежало в комнате молодоженов. Юная Малика, не успев стать женой, женщиной, сменила наряд невесты на вдовьи одежды...

* * *

Прошли годы. В Гунибе был пленен Шамиль. Вместе с Дакашем война унесла и обоих братьев Исы. Еще не успел остыть пепел на пожарищах, как в ауле установилась новая власть. Вот тогда Иса и вернулся в родной Гати-Юрт, став с этого момента старшиной аула.

Однако с пленением Шамиля война не окончилась, как это казалось и царским генералам, и Исе. Бойсангур Беноевский, прорвав плотное кольцо царских войск в Гунибе, вернулся в Ичкерия. Неукротимый наиб имама поднял новое восстание. И вновь лилась кровь, горели аулы, плакали женщины. Но на сей раз Иса не взял в руки оружие, а занялся укреплением новой власти в ауле.

Вел себя тихо, затаенно, словно зверь, насытившийся на время обильно пролитой кровью. Кто знает, что происходило в его душе и в его жестоком сердце: переживал ли он смерть любимого сына и двух братьев или стал испытывать страх перед надвигающейся старостью. Во всяком случае, в послед-

ние два-три года он уже не был похож на прежнего Ису. Но все равно примирения между ним и аульчанами не состоялось. Его сторонились. Более того, произнося его имя, люди непременно добавляли: «подлая собака». Ненавидели отца и его собственные сыновья. Давно бы рассчитались они с Исой, да страшила их даже сама мысль о том, чтобы стать отцеубийцами. Лишь горячий и несдержанный Самби то и дело напоминал отцу, по чьей вине погиб Дакаш, тем самым заставляя Ису просыпаться среди ночи в холодном поту и в ледящем душу страхе. Отец читал в глазах Самби не только ненависть к себе, но и открытую угрозу кровника. Иса не сомневался, что при любом удобном случае Самби, и только Самби отомстит ему за кровь своего брата. Вот почему Иса, когда после подавления восстания Бойсангура отряд царских войск ворвался в Гати-Юрт, сделал донос и на собственного сына, на Самби.

Самби этапом отправили в Сибирь, и с той поры в ауле о нем больше не слышали.

ГЛАВА VI

СУДЬБА СОЛДАТА

...Мирные аулы чеченцев сделались разбойничьими гнездами и притонами для наших беглых солдат.

А. П. Ермолов

Хорошо в лесу. Тихо. Ветка ли треснет, мышь ли зашуршит в прошлогодней листве, белка ли встрепенется в дупле над головой, — все слышно. Вот и дятел приостановил свою звонкую работу и замер, словно тоже внимал голосу леса. Васал встретился с его настороженным взглядом, усмехнулся и прошел мимо. Общение с лесом дарило душе радость и утешение.

Но вот смешанные деревья и кустарники остались позади, и Васал ступил под сень чинарового ¹ леса. Белые гладкие стволы стройных чинар напомнили ему березовые рощи далекой родины. Сразу исчезла радость, и почему-то вокруг словно потемнело. В памяти всплыло детство. Вернее, один день того неповторимого и далекого прошлого. Был точно такой же яркий воскресный день. Только не чинары шумели тогда над ним, а березы. И рядом была мать, и его ласкали нежные и мягкие материнские руки. Виделось поле ржи с тополями на окраине, куда он убежал на то время, пока отец и мать работали в поле. Потом, набегавшись вдоволь, он возвратился и позвал мать. Она подошла к нему, взяла на руки и заглянула в глаза.

— Устал?

Он не ответил. Только сильнее прижался к теплому плотному телу матери и засмеялся.

— Ну, ты чего? — спросила мать и сама залилась таким же неудержимым смехом. — Родненький ты мой... Золотце твое... Иди, покличь тятю. Полдень уже.

¹ Ч и н а р а — дерево из рода платановых.

Мать ушла на речку. Икупалась, простирала платье и вскоре вернулась. Отец лег отдохнуть. А он примостился около матери и, обнимая ее, спросил:

– Ты у меня самая-самая хорошая?

– Наверное, сыночек.

– И тятя тоже?

– И тятя.

– А я хороший?

– Ты у нас самый лучший, – ответила она, расчесывая свои мокрые золотистые волосы.

Васал стиснул зубы. Он даже замедлил шаг, чувствуя, как горячая волна ярости охватывает его. Потом прислонился к дереву, пытаясь отогнать навязчивое видение, но сделать это ему не удалось. Слишком глубоко врезалось в память все случившееся потом.

Васал и сейчас слышал грубые окрики человека, пинавшего носком охотничьего сапога в бок отца, который со сна ничего не мог еще сообразить.

– Ванька! Вставай, скотина! Вставай!

Мать испуганно поднялась, прижав дрожащие руки к груди. Она с ужасом глядела на барина, лицо ее побелело. Отец стоял, понутив голову.

– Быстро в деревню! За вороним!

Отец не тронулся с места.

– Кому говорят!

– Смилуйтесь, барин, – заговорил отец. – Я же день зазря потеряю. Нешто можно так, коли рожь осыпается. Ведь пропадет совсем...

– Ты мне перечить будешь? – барин побагровел и теперь уже не заорал, а зашипел: – А ну, бегом, пока не спустил на тебя свору. Да передай Захару, чтобы всыпал тебе хорошенько, – крикнул он вслед уходившему отцу.

За все это время мать не проронила ни слова. Она все так же стояла, дрожа всем телом, и ее испуг передался ему, Васятке.

Барин шагнул к матери и молча поманил в сторону леса.

– Не надо, барин...

– А ну, не теряй времени...

Он сделал к ней шаг. Она отступила.

– Пощадите, ради всего святого... Вы меня взяли в первую ночь. Разве недостаточно?.. И сын уже вон какой. Он ведь все понимает. Хоть его-то постыдитесь...

Лицо барина расплылось в похотливой усмешке.

– То было давно... Посмотрим, какая ты теперь... Такая же сладкая? Ну, ну, будь паинькой... Ты же меня знаешь, – цепкими руками он схватил ее за плечи и притянул к себе.

– Нет, не бывать больше этому! – закричала мать, вырываясь из рук барина.

Окончательно взбешенный помещик схватил мать за волосы и бросил на землю.

– Вас-я-я! – истошно закричала она. – Не смотри, сыночек, уйди!

И тогда Васятка бросился ей на помощь. Он подскочил к барину и укусил его за руку, но тут же жестокий удар сапогом в живот отбросил его прочь, сознание его померкло...

Когда он очнулся, то увидел склонившееся над ним исцарапанное, заплаканное лицо матери. Рядом сидел и беззвучно плакал отец. На его оголенной согнутой спине змеились кроваво-красные полосы – следы плети...

* * *

Васал выбрался из леса и направился домой. Тропа вела мимо кладбища. За плетеной оградой белели памятники, расписанные арабской вязью. Васал прошептал молитву и прошел за ограду. Калитка за ним закрылась с протяжным и жалобным, похожим на стон, звуком. Он подошел к одной из могил, погладил заросший холм. Сколько здесь таких? И под каждым лежат его боевые товарищи, его друзья. Он всех их знал в лицо, всех, с кем сражался бок о бок. Они погибли в один день, в тот день, когда генерал Николаи взял Арчхи. Сегодня лишь развалины да обуглившиеся деревья указывают место уничтоженного, стертого с лица земли аула.

Не была счастливой и судьба Васала. Много горя выпало на его долю. От зари до зари гнула спины на полях помещика семья Лопухова, шесть дней отдавались барщине, и лишь один день недели имели право использовать на собственные нужды. То засуха уничтожала посевы, то земля не давала всходов. А коли и случался урожай, то нередко и он пропадал либо под осенними дождями, либо в огне.

Только гораздо труднее было переносить издевательства барина. В детстве они еще не так ощущались, хотя случай с матерью, свидетелем которому он стал, запомнился на всю

жизнь. И ему пришлось испытать унижение со стороны помещика. Была у Васала любимая девушка. Веселая, звонкоголосая Маринка. Мечтали они пожениться. Но и на старости лет не избавился барин от своей похоти. Обесчестил Маринку, а затем обменял ее у соседского помещика на двух охотничьих собак. И чтобы обезопасить себя от затаившего ненависть парня, отдал здорового Василия в рекруты.

У солдата жизнь не легче, чем у крепостного. К тому же в любую минуту мог угодить он под пулю чеченца. А разве можно без конца выносить солдатскую муштру, походную жизнь, побои? Солдата наказывали беспощадно за малейшую провинность.

Не случайно пели по вечерам в казармах горькую песню:

Лучше в свет не родиться,
Чем в солдатах находиться.
Этой жизни хуже нет,
Изойди весь белый свет.
Я отечеству защита,
А спина всегда избита,
Я отечеству ограда,
В тычках, в пинках моя награда...

Через год солдатчины получил Васал известие о смерти матери. Вслед за ней скончался и отец. Жизнь потеряла для него всякий смысл. Не было на свете ни одного уголка, где бы его ждали, где могли бы его приютить и обогреть. Не было ни единой души, ради которой хотелось бы ему жить. Он часто слушал солдат, рассказывавших о Чечне, о ее народе, который живет свободно и независимо. В душе он жаждал воли, а солдаты утверждали, что у чеченцев нет помещиков, что там каждый сам себе хозяин, что там в почете не богатство, а мужество и храбрость. Не одну ночь думал Василий. Как быть? Нелегкое это дело – расстаться с родиной. Допустим, волю он получит, но обретет ли покой? Найдет ли вторую родину? Так и мучился, взвешивая все «за» и «против», пока на помощь не пришел случай.

Однажды Василий возвращался с поста в крепость. У ворот, словно поджидая его, стоял поручик Косолапов.

– Следуй за мной,– приказал поручик.

Они отошли от крепости и углубились в рощу. Там, убедившись, что их никто не подслушивает, поручик шепотом заговорил:

– Знаю, Василий, ты человек верный и умеешь держать язык за зубами. Служба солдатская тебе опостылела, это я тоже успел заметить. Но задумывался ли ты, как можно избавиться от нее?

В первую минуту Василий был так ошарашен, что и вымолвить ничего не мог. Ведь поручик высказал вслух его самые потаенные мысли.

Косолапова перевели сюда из Петербурга. Среди солдат ходили слухи, что молодой поручик участвовал там в каких-то тайных обществах, направленных против царя и помещиков. В крепости он избегал общества офицеров, больше общался с солдатами, как-то старался облегчить их горькую службу. Солдаты уважали Косолапова, считали даже своим человеком. Но вечное недоверие к офицерам-дворянам как всегда взяло верх, и в голове Василия мелькнуло: «А уж не на пушку ли меня хочет взять господин поручик?»

– Подумай, Василий,– продолжал между тем Косолапов. – Отслужишь свое. Четверть века – срок немалый. Вернешься, если чеченская пуля минует. Но куда, спрашивается? Назад, к тому же барину, тянуть все ту же лямку? Бежать там некуда будет. А здесь, у чеченцев, артиллеристы в большом почете...

Теперь Василий не сомневался в искренности поручика. Но молчал, осторожничал. Торопливость в таком деле могла повредить.

– Понимаю, ты не веришь мне,– с грустью в голосе заключил поручик. – Дело твое. Что же до меня, то я решил. Завтра вечером ухожу. Если ты согласен – уходим вместе.

Следующей ночью они вместе бежали из Куринской крепости. На Качкалинском хребте беглецы наткнулись на чеченский разъезд, и начальник отряда, сотник Арзу, под конвоем двух горцев отправил их к наибу Соаду.

Один из конвоиров, молодой чеченец по имени Дакаш, пришелся по душе Василию. Между ними завязалась дружба. Понравился ему и Арзу. Василий попросил оставить его в отряде. Но Арзу решительно покачал головой – никак, мол, нельзя. Василий – артиллерист, а артиллеристами распоря-

жается сам Шамиль. И Шамиль строго-настрого предупредил, чтобы всех беглых и пленных русских артиллеристов направляли к старшему наибу Талгику. Арзу же может только просить разрешения у наиба, чтобы оставить Василия при себе. Но для этого необходимо либо лично явиться к наибу, либо написать ему. Чернилами и бумагой, к счастью, выручил Косолапов. По прибытии в Шали Дакаш явился к Талгику, который удовлетворил просьбу Арзу. Василия отправили обратно в отряд, а Косолапова Талгик оставил при себе.

Дорожки беглецов разошлись. Косолапов стал ближайшим нукером Талгика, а затем и начальником его артиллерии. И однажды с Косолаповым произошел следующий случай...

Чтобы остановить продвижение противника в глубь Чечни, Шамиль приказал Талгику укрепить и защитить окоп на Шалинской поляне. В день штурма подоспела и помощь: чеченская конница под предводительством наибов Гойтемира, Батуко, Сайдуллы, Эски, а также аварская конница и пехота Хаджи-Мурата и Лабазана.

Васал, состоявший в прославленном конном отряде Арзу, оставленном на время в резерве, хорошо видел оба войска, расположившиеся друг против друга. Худощавый всадник в черной бурке на ослепительно белом коне скакал по фронту чеченских отрядов, отдавая последние приказы и распоряжения. Это был знаменитый Талгик. Глядя на развевающиеся полы его бурки, можно было подумать, что всадник не скачет, а летит по воздуху, словно огромная черная птица. За ним неотступно следовал статный горец, сжимавший в вытянутой руке черный значок, прозванный русскими «артиллерийским». Васал узнал в горце Косолапова, которому чеченцы, после его перехода на их сторону, дали новое имя – Жабраил. Рядом с Косолаповым-Жабраилом скакали двое сыновей Талгика. Грозный наиб осадил коня перед батареей, стоявшей на валу, проверил готовность орудий и, оставив на батарее Косолапова, поднялся на холм, чтобы оттуда руководить сражением.

Однако генеральному сражению, к которому Талгик так тщательно и долго готовился, не суждено было состояться. Случай, один из тысячи, перечеркнул его труды. Первая же граната, нушенная противником, попала в пороховой склад.

Раздался оглушительный взрыв. Из завала поднялись в воздух огромные глыбы земли, камни, бревна. Вместе с ними взлетели кони, люди. Все это кружилось, а потом падало на землю. Зрительная память Васала сохранила фигуру человека на коне, выброшенного взрывной волной и летевшего по воздуху с черным значком в руках так, словно он возносился на небо с победной хоругвией. Васалу не пришлось напрягать зрение, чтобы различить, кого же это вознесло в небеса...

После взрыва русские пошли на штурм. Но случившееся расстроило все планы Талгика. Он отступил. И русские без боя овладели окопом.

Васал мысленно навсегда простился с другом. Каково же было его удивление, когда спустя год, во время сражения на Мичике, рядом с Талгиком он увидел чеченца – двойника Косолапова. Васала охватил суеверный страх: разве может мертвый воскреснуть? Ведь в том, что Косолапов погиб, Васал нисколько не сомневался. Да и как тут не умереть, если человек сначала взлетел, а потом грохнулся с такой высоты. От него, скорее всего, и костей-то не осталось. А похожий на Косолапова чеченец вдруг оглянулся, заметил Васала, уставившегося на него остекленевшими глазами, и, раскинув руки, бросился к нему. Да, это был Косолапов, он же Жабраил! Живой и невредимый!

После боя Косолапов поведал приключившуюся с ним историю.

Нет, Васал не ошибся: тем человеком, что вознесся к небу, был именно он, Косолапов. Но по счастливой случайности он остался жив. Русские подобрали его с тяжелыми ранениями. Пришел он в себя в лазарете.

– Русские приняли меня за чеченца, – рассказывал Косолапов. – Они знали, что я – ближайший помощник Талгика. Но на их вопросы я не отвечал. Стоило мне заговорить, и они сразу раскусили бы, что перед ними беглый россиянин. Поэтому и молчал. Однажды в палатку вошел офицер и спросил, правда ли, что я русский. Оказывается, лазутчики донесли, дескать, я – беглый офицер. Но я упорно молчал.

Хитрее оказался один солдат. Пришел, посмотрел на меня и говорит: «Если обрезанный – значит, басурман, если нет – значит, православный русский». Офицер приказывает мне

спустить шаровары. Я молчу. Кинулись на меня солдаты и... все раскрылось. Повел я себя тихо, как человек, покорившийся своей участи. А вскоре, было это уже зимой, в одном больничном халате, через окно отхожего места, я сбежал вторично...

Потом Васал и Косолапов встретились еще раз. Уже в аварских горах. Ту встречу Васал запомнил на всю жизнь, особо...

В июне 1859 года, когда царским войскам покорился последний аул Восточной Чечни, Шамиль направился в Гуниб, к своему последнему убежищу в Дагестане.

С поспешно отступающим имамом из числа чеченских наибов оставались только двое: Бойсангур Беноевский и Осман Мичикский. И лишь немногие чеченские воины не захотели бросить имама в трудные для него дни. В основном это были бойцы небольшого отряда Арзу, в котором состоял и Васал.

В Чечне не осталось ни одного беглого русского солдата. Все они отступили с Шамилем в Гуниб, дабы сражаться там до последнего, ибо иного пути у них не было. Знали, что их ждало, доведись любому из них попасть в руки царских генералов. Потому и решили дорого продать свою свободу, которую приобрели ценой потери родины. И все они пали героической смертью в горах Дагестана.

Василию вспомнилось последнее совещание у Шамиля, состоявшееся в летний знойный день, когда отступающие в Гуниб устроили короткий привал в одном аварском ауле. Василий стоял на часах у дверей дома, где остановился имам. Из приоткрытую дверь он видел Шамиля. За последние два месяца Шамиль постарел, поседел и сгорбился. На его бледном, как никогда, лице четко выделялись веснушки, похожие на густо разбросанные просыпанные зернышки. Сидел он на пестром войлоке – истанге, по-восточному скрестив ноги, с беспомощно опущенными плечами. Имам напоминал Василию узника, брошенного в подземную тюрьму.

Долго сидел так Шамиль. И кто знает, о чем думал старый имам? Может быть, он с первой до последней страницы перелистывал книгу своей жизни, до краев полную и радостями, и горестями, победами и проигрышами сражений. В ней много героических страниц, но столько же и трагических. Да, вся

жизнь его – это драматический парадокс сильной и противоречивой личности.

Шамиль, сын бедного аварца Донага-Магомы, стал имамом Дагестана. Потом, после целого ряда ощутимых поражений, соотечественники прогнали его, и он вынужден был искать кров и защиту в Чечне. И вот на исходе последние двадцать лет его бурной жизни и деятельности...

Как переменчива судьба! Сегодня ты радуешься и смеешься, а завтра – плачешь. Сегодня у тебя почет и слава, люди превозносят тебя, как пророка, а завтра, когда ты становишься жертвой бедности и несправедливости, те же самые люди готовы поносить тебя и плевать в лицо... Вот точно так же и земляки носили его на руках в первые годы. А потом... потом начали преследовать, словно дикого зверя, пока не вынудили его оставить родные горы.

Чеченцы избрали его имамом Чечни, а через год с их же помощью он стал и имамом Дагестана. Он сделался известным человеком не только в Чечне и Дагестане, не только в горах Кавказа, но и в весьма далеких странах. Люди почитали его как пророка. Одни – потому что нуждались в нем, другие – потому что верили ему, а многие просто из боязни его крутого нрава. Чеченцы объявили его даже святым шейхом и клялись его именем. В Дагестане его называли не иначе как «великий эмир Шамиль», а сына его, Гази-Магому, «сыном великого имама». Двадцать лет Шамиль держал в узде Чечню и Дагестан. И слава его была не меньше, если даже не больше, чем слава других могущественных падишахов мира. Да и богатство он накопил достаточное. В крайнем случае хватило бы даже правнукам. Накопил честным путем. Из причитающейся по шариату пятой части военной добычи – хумс. Но он никогда не думал использовать его в личных целях. Откладывал на черный день для имамата, чтобы использовать накопленное в его интересах. Много денег из своей личной казны он раздавал бедным, инвалидам войны, сиротам, вдовам, престарелым. И никогда не позволял своей семье роскошью выделяться среди рядовых горцев.

О, если бы Аллах дал ему силу победить гяуров! Неужели столько трудов и жизней затрачено зря? Неужели рухнет с таким большим трудом созданное им свободное, независи-

мое государство горцев! Он просил Бога лишь об одном: даровать ему еще одну победу над гяурами, пусть последнюю, но чтобы она хоть на несколько лет продлила его власть. Для того чтобы смог он передать ее сыну, сделав свое имамство наследственным. Говорят, сладка власть, позволяющая свысока смотреть на людей, словно на муравьев. Видеть, как такие же люди, созданные тем же Аллахом, кланяются тебе, ползают перед тобой на коленях, лебезят... Когда правитель может одним словом, одним взглядом уничтожить, бросить в бездну, втоптать в грязь благородного, мужественного и честного. Равно, как может возвеличить и приблизить к себе труса, злодея или хама. Но Шамиль никогда не испытывал подобные чувства. Годы его правления горскими народами были для него самыми тяжелыми и горестными. Ведь на самом деле он не был таким правителем, как прочие падишахи. Шамиль был вождем и руководителем освободительной борьбы горцев, но в то же время и ее рядовым воином. В этой борьбе он потерял жену, двух сыновей и дочь. Если рядовой воин отвечал только за свою жизнь, то Шамиль отвечал за всех подвластных ему людей. Потому он преждевременно поседел и сгорбился. И что ждет его впереди? Только Аллах это ведает...

Еще десять лет назад он хотел передать имамство своему сыну Гази-Магоме. Тогда исполнилось ровно пятнадцать лет с того момента, как Шамиль возглавил борьбу горцев против всемогущего русского царя за свою свободу и независимость. За эти пятнадцать лет Шамиль не знал ни сна, ни отдыха. Он постарел и устал. А Гази-Магома был молод, умен и отважен. И, что самое главное, чеченцы уважали и почитали его, пожалуй, даже больше самого Шамиля. И тем не менее эти же самые чванливые чеченцы вместе с Хаджи-Муратом воспротивились наследственной передаче имамства от отца к сыну. Сегодня Шамиль, а завтра уже Гази-Магома захочет передать власть уже своему сыну. Тот – своему. Нет, такому не бывать! В Чечне никогда не было наследных князей, и создавать их никто не намерен. Если по воле Аллаха жизнь Шамиля окончится на этой брэнной земле, то новым имамом станет тот, у кого более острая сабля. По наследству же пусть переходят конь, оружие, деньги...

Теперь всему конец. Пала Чечня, а вместе с нею разбилось и его сердце. Не успел он еще ступить на землю Дагестана, как соотечественники ограбили его до нитки. И кто же начал? Его самый верный сподвижник и соратник Даниэлбек со своими килитлинцами...

Это они разграбили его имущество и в Гумале, и в Урату. Это они не только не оказывают сопротивление гяурам, а наоборот, встречают их музыкой, словно не враги идут к ним, а предки, воскресшие из мертвых...

Шамиль позвал со двора Маккала и приказал вызвать своего секретаря Мухамед-Тахира аль Карахи. Скоро на совещание собрались все визири, улемы¹ и наибы имама.

Гази-Магома привел с собою Бойсангура. Тот прошел на середину круга и замер, опершись на саблю. Единственный черный глаз на его обезображенном шрамами худом лице презрительно уставился на имама. На тонких губах появилась зловещая улыбка. Гази-Магома понял, что Бойсангур собирается сказать имаму что-то резкое и неприятное.

Бойсангур вдруг рассмеялся. Сначала тихо, почти беззвучно, а потом все громче и громче. Брови сурового имама удивленно сдвинулись, образовав на лбу узел морщин.

– Чему ты так радуешься, мой смелый Бойсангур? – спросил он, не повышая голоса. – Постоянно прощая тебе дерзости, за которые жестоко карал других, я испортил тебя. Но знай, моему терпению тоже есть предел!

Вдоволь насмеявшись, Бойсангур наконец перестал.

– Кто я такой, чтобы задумываться над тем, убивать или не убивать меня, – сказал он, усаживаясь на полу. – Однорукый, одноногий и одноглазый пень. Вот, кто я такой. Ты же кормил и ласкал тех, кого надо было обезглавить немедленно. Ты спрашиваешь, чему я смеюсь? Отвечу. Когда тебя прогнали из Дагестана, мы тебя приняли, сделали имамом и двадцать лет носили на своем горбу! Двадцать лет мы служили тебе верой и правдой. Двадцать лет чтили тебя наши наибы. Но в течение этих двадцати лет ты не посадил на свой диван² ни одного нашего наиба или улема. Самые бедные из них – я и

¹ У л е м – образованный в исламе, ученый человек.

² Д и в а н – совет при имамате Шамиля, при необходимости – и суд.

Осман – впервые удостоены такой чести. Так разве это не удивительно? Разве это не смешно?

– Хватит шуток, Бойсангур! – прикрикнул имам.

Но Бойсангур опять рассмеялся. И смех его вызвал дрожь. Все подняли головы и с каким-то суеверным страхом смотрели на него. Они знали, что имам почитает этого наиба. Знали, что это единственный человек в горах, перед которым преклоняется сын имама Гази-Магома. Но знали они и крутой нрав имама. В минуты гнева он мог убить даже самого близкого человека. Для таких случаев рядом с ним неотлучно находился палач с огромным кинжалом.

– О Аллах, неисповедимы твои пути! – не унимался Бойсангур. – Известные своим умом и ученостью Юсуф-Хаджи, Сулейман, Атаби! Известные своей смелостью Шоип, Талгик, Эски, Гойтемир, Батуко, Сайдулла, Дуба! Видели бы вы сейчас эту картину, и у вас глаза полезли бы на лоб. Ведь вам никогда не приходилось видеть таинства этого святилища!

Но и Шамиль знал крутой, неукротимый нрав и характер Бойсангура. Не было в мире силы, что сломила бы его. И нечем было запугать его. Чем больше будешь противоречить ему, тем больше он будет распаляться. А поэтому Шамиль дал возможность выговориться.

– Где же твои верные советники, которых ты выслушивал на совещаниях дивана, а нас не допускал даже к дверям? – продолжал он присыпать солью сердечные раны имама. – Где твой слепец Кер-Моххумад? Твой тесть Джамал-Эддин? Амирхан? Дибир-Хаджи? Метлик Муртаз-Али? Яхья-Хаджи? Или твои наибы Кибит-Магома, Даниэл-бек, Албаз-Дибир?

– Уж не спешишь ли и ты в объятия гяуров вслед за вашими чеченскими наибами! – не выдержал имам.

– Не трогай наших! – вскочил Бойсангур. – Одно дело – вероломно перейти на сторону врага, другое дело – сложить оружие перед врагом, когда иссякли силы. Это не одно и то же, не путай, имам. Наши наибы сдались с дымящимися ружьями и саблями, на которых еще не высохла кровь гяуров. Из них только двое, Дуба да Сайдулла, направили свое оружие против тебя. А как поступили твои дагестанские наибы, которых ты лелеял, отталкивая наших? Они бросили тебя, вероломно изменили тебе, более того, они помогают твоему вра-

гу! На второй же день, как только ты оставил Чечню и ступил на землю Дагестана, тебя общипали, как мокрую курицу. И кто? В первую очередь – твой любимый Кибит-Магома. Наши аулы сдавались лишь тогда, когда их превращали в сплошной пепел. В Чечне не осталось и вершка земли, не удобренной этим пеплом и не политой кровью нашей и кровью гяуров. А что происходит здесь? Все аулы без единого выстрела, наоборот, с музыкой встречают врага. И склоняются перед ним, высунув языки и виляя хвостами!

...Лицо имама нахмурилось. Он опять вспомнил несколько трагических дней своей жизни: бегство в Чечню после падения Ахульго. С ним тогда было семь самых верных мюридов: Юнус, Салих, Мохмад, Химатил, Нур-Али, Муса и Муртади... Они с боем прорывались из Ахульго, через тройное кольцо окружения. Ранили Шамиля. Солдатский штык, предназначенный Салиху, вонзился в ногу подростка Гази-Магомы, которого нес на себе Салих... Они бежали по горам, куда глаза глядят. За ними гнались отряды Хаджи-Мурата и Ахмет-хана. Надо было перейти через узкое, глубокое ущелье, на дне которого, в безмерной глубине, пенилась бурная Койсу. Моста не было, но перейти на другую сторону нужно было обязательно. Иначе всех ждала смерть. Перекинули через ущелье толстое бревно. Шамиль побоялся пройти по нему с раненым сыном. Боялся не за себя, за сына. И обратился к мюридам с просьбой перенести Гази-Магому. В ответ его верные мюриды отвернулись. Раненому Шамилю пришлось самому переносить сына...

Они бежали на запад, опасаясь приближаться к аулам, страдая от голода и жажды. А по пятам гнались нукеры Хаджи-Мурата и Ахмет-хана.

Шли, разделившись на три группы. В первой группе Салих нес на себе Гази-Магому. К счастью, Шамилю удалось по дорогой цене выторговать у пастухов полный кувшин воды. Кувшин передавали из группы в группу. Когда передняя группа остановилась на привал, Шамиль нагнал ее. Гази-Магома сидел в стороне, на камне. Лицо искажено гримасой страдания. Шамиль спросил: «Что, нога болит?» Сын заплакал. Оказывается, мюриды всю воду выпили сами, не дав ему ни глотка, а пустой кувшин бросили в пропасть...

Шамиль никогда не забывал вероломства некоторых своих соотечественников. И когда чеченцы провозгласили его своим имамом, он приказал в первую очередь убивать любого дагестанца, который покажется в Чечне. Но со временем голос крови победил. Как бы они ни поступали с ним, все же они были его соплеменниками...

...Шамиль тяжелым взглядом окинул своих земляков. Каждый, на ком останавливались глаза имама, опускал голову. Только изгнанники, пришедшие сюда из других краев, Ибрагим ал Черкесы, Хаджи-Насрулла ал Кабири и Осман ал Мичики смело выдержали его взгляд.

Шамиль закрыл глаза и тихим голосом печально запел на арабском языке импровизированную песню:

У меня были братья,
которых я считал панцирями.
Но они стали моими врагами.
Я считал их меткими стрелками.
Но они были таковыми –
только в моем сердце.

– Что ж, ты прав, смелый Бир-кез¹, – сказал Гази-Магома примирительно, обращаясь к Бойсангуру. – Но от того, что мы будем осуждать друг друга, дела не поправятся. Имам, мы готовы выслушать твой приказ.

Неистовый Бойсангур буквально деморализовал и без того удрученного имама. Все, что он собирался ранее сказать улемам и наибам, теперь казалось ему мелким и незначительным.

Невыдержанный и горячий Бойсангур был единственным человеком, который имел доступ к имаму без предварительного разрешения и мог высказывать ему прямо в лицо все, что думает. Бойсангур не знал, что такое страх. За его мужество и преданность ему прощалось все. Но сейчас он оказал имаму не лучшую услугу.

– Вы знаете не хуже меня, каковы наши дела, – начал имам. – Чечня пала. Теперь все свои силы русские сосредоточили

¹ Бир-кез – одноглазый (кумыкск.).

против Дагестана. Наступая нам на пятки, идет Уч-кез¹. Из Салатави в Темир-хан-Шуру навстречу ему движется генерал Врангель. И из Грузии, вниз по течению Койсу, наступают большие силы. Войска идут на нас с трех сторон, их кольцо сжимается. Но сейчас меня не столько беспокоят гяуры, сколько тревожит тот факт, что местные аулы не только не оказывают им сопротивления, а откровенно переходят на сторону русских. Не успел я выехать из Дарго, как андийцы, ашильтинцы, согратлинцы, гимринцы, унцуклинцы, гоцатлинцы, хунзахцы, дародахойцы послали к гяурам своих представителей с заверениями о покорности. Кибит-Магома восстановил против меня тилитлинские и карахские аулы. Даниэлбек – своих легзинцев. Одним словом, во всем Дагестане сейчас редко встретишь аул, который был бы мне верен. Не успел я ступить на их землю, тотчас разграбили нашу казну и мое личное имущество...

– Не торопись, имам, как только ты пойдешь дальше, с тебя уже снимут штаны, а в конце концов отрубят тебе голову и продадут ее гяурам за горсть кукурузной муки!

Имам гневно посмотрел на Бойсангура, который сидел, подперев голову единственной рукой, но, стиснув зубы, сдержался, а потом как-то сник: ему нечего было возразить Бойсангуру.

– Нам остается один путь – в Гуниб, – устало произнес имам.

– Хорошо, уедем в Гуниб, а что дальше? – спросил Бойсангур.

– Что будет дальше, ведомо только Аллаху, Бир-кез, – невесело ответил имам и тяжело вздохнул. – Если срок, отпущенный нам свыше, закончится там, значит, там и умрем. Если же нет, то...

– То в Гунибе сразимся до последнего вдоха, – громко сказал Дибир ал Хунзахи.

Посыпались реплики:

– Разве в течение двадцати дней мы бежим в поисках места сражения?

– Гуниб – хорошая крепость против врага.

¹ Уч-кез – трехглазый (кумыкск.). Так горцы прозвали генерала Евдокимова.

– А Согратли? А Ахульго? А Гергебил? Чем они были хуже Гуниба? Но, может быть, мы идем туда, чтобы и его сдать врагу без боя, как и те? – сверкнул глазом Бойсангур.

– Бойсангур, если ты не хочешь идти с нами, то можешь уже сейчас отделиться от нас вместе со своими чеченцами, – бросил Дибир ал Хунзахи.

– Я не жду твоего позволения!

– Тогда чего же ты хочешь?

– Я хочу, чтобы никто и никогда не сказал, что Бойсангур покинул своего имама в черный для того день.

– Просто у Бойсангура нет другого пути, потому он и следует за нами, – усмехнулся стоявший в дверях Дибир ал Хунзахи. – В свое время не сбежал, а теперь поздно – назад путь отрезан.

– Ничуть не поздно, – возразил Бойсангур. – Разве не ваши улемы и наибы ежедневно перебегают к гяурам? Однако в Гуниб с вами я пойду. Хоть погляжу, как вы будете умирать за газават. Или я ошибаюсь: может, сдадитесь гяурам? А потом, Дибир, я вернусь в свои леса. Пока жив, я не сдамся. Буду биться до конца. Да и не привык я бегать. А вот вам всем это не впервой.

Взаимные обвинения, приводившие нередко к открытым ссорам, стали в последние годы обычным явлением в отношениях между чеченцами и дагестанцами. Первые обвиняли последних в неумении или нежелании воевать в чеченских лесах и в бездарности их наибов, которых Шамиль назначал в Чечне. Но и дагестанцы не оставались в долгу, заявляя чеченцам об их открытой измене, особенно в последние месяцы, когда чеченские аулы один за другим стали покоряться царским властям.

Обвиняя друг друга, чеченцы и дагестанцы не понимали, что ни те, ни другие не уступали друг другу в мужестве, смелости и благородстве. Они не понимали, что вражда между братскими народами Чечни и Дагестана, которые издревле вместе делили горе и радость, вместе защищали горы от гуннов, хазаров, татаро-монголов и полчищ Тимура, от персидских шахов, выростала вследствие бесчеловечной политики могущественных держав, многолетней истребительной войны, которую царизм вел на Кавказе...

– Хватит, Бойсангур! – повысил голос имам. – Довольно твоих излияний. Пора трогаться в путь...

Десятитысячная регулярная царская армия плотным кольцом обложила последнее убежище Шамиля – крепость Гуниб. Имам остался один. Его прославленные чеченские наибы не разделили с ним последний час: кто погиб, кто перешел в стан русских. Только храбрый Бойсангур Беноевский да Осман Мичикский отправились вместе с ним в аварские горы. В небольшом его отряде находилось несколько воинов Арзу да беглые русские солдаты, которые покинули Чечню с твердым намерением сражаться до последнего. У них теперь было одно желание – как можно дороже отдать свои жизни, что они и сделали в последнем сражении.

Перед Васалом вновь во всех подробностях встали события того рокового дня.

...Шамиль вышел из сакли. Он решил сдаться. Крови пролито много, так зачем проливать ее вновь, когда борьба уже бессмысленна? Да и что сможет сделать горстка храбрецов, даже во главе с таким отчаянным предводителем, как Бойсангур? Ничего! Только погибнуть, теперь уже напрасно. У русских огромные силы. Князь Барятинский стоит внизу. Он обещал своим солдатам десять тысяч рублей за голову имама. Офицеров, отличившихся в последней схватке, ждали повышения в звании и награды. И солдаты упорно карабкались в гору в надежде получить обещанную награду. Главнокомандующий лично вручал по десять рублей каждому раненому солдату.

Последние воины Шамиля гибли в неравном бою. Один отряд возглавила жена наиба Юнуса, еврейка Зайнап. Она первая бросилась в бой, увлекая за собою остальных. Всего четыреста мюридов осталось в живых. С четырьмя орудиями. А вверх по отвесной скале по длинным лестницам, с помощью веревок и железных крюков уже лезут солдаты Апшеронского полка. И защитники крепости обречены – им неоткуда ждать помощи: все аулы Дагестана смирились без боя, а наибы перебежали в лагерь противника. Мюриды же требовали мира.

Шамиль призвал к себе Юнуса Черкеевского и Хаджи-Али Чохинского и передал им короткую записку, приказав вручить ее лично самому Барятинскому.

*«Сардару князю Бярятинскому, — писал имам. — Да будет мир человеку, следующему по истинному пути. Если вы с до-
рогими мне людьми разрешите отправиться в Мекку, меж-
ду нами состоится мир, в противном случае — нет».*

Бярятинский принял условия мира. Князь послал к Шамилю двух полковников — Лазарева и Касума Курумова.

Трагичным был для имама этот день. Васал будто воочию вновь увидел высокую, чуть сгорбленную, но не потерявшую еще своей былой мощи и силы статную фигуру Шамиля. В белой черкеске, перехваченной в тонкой талии наборным ремнем, с кинжалом на боку, в белоснежной чалме он медленно переступил порог сакли, сделал несколько шагов и остановился. В ту же минуту к нему подскочил Бойсангур.

— Что ты делаешь, имам?! — воскликнул наиб. — Одумайся! Ты позоришь не только нас, живых, но и мертвых!

Шамиль многое прощал этому храбрейшему из своих наибов, но сейчас он потупился.

— Так нужно, Бойсангур. Люди просят мира. — Ему стыдно было признаться перед своим наибом, что и сам он пришел к такому же решению.

— Просят не люди — трусы! А с каких это пор ты стал прислушиваться к голосам трусов?

— Мужчина не тот, который громче всех кричит. Не горячись, Бойсангур. Спротивляться бесполезно. Ты же сам видишь, сейчас люди гибнут зря.

— Ах, вот оно что! — вскричал Бойсангур, сжимая единственной рукой рукоять кинжала. — Значит, и раньше люди гибли зря? Десятки, сотни тысяч людей! Посмотри на Чечню. Не ты ли клялся ей в верности? Не ты ли говорил, что не оставишь ее, пока жив? Забыл свои слова? И в тяжелый момент хочешь поднять руки, спасая свою жизнь? Ты считаешь, что это достойно мужчины? Мы шли за тобой и верили тебе, как Богу. Вся Чечня покрыта могильными холмами. А разве лежащие под ними не хотели жить? Но они не пощадили себя и погибли за святое дело!

— Твои слова — правда, Бойсангур. Все эти годы я держался благодаря твоему народу. Ваши наибы были верные и смелые. Но и они покорились русским, когда поняли, что силы